

В ТЕНИ ЕВРАЗИЙСТВА. ЛЕВ КАРСАВИН И СЕМЕН ФРАНК*

Тереза Оболевич

Папский университет Иоанна Павла II
(Краков, Польша)

Цитирование: Оболевич Т. В тени евразийства. Лев Карсавин и Семен Франк // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2018. № 2. С. 43–67.

DOI: <https://10.31119/phlog.2018.4.4>

For citation: Obolevich, T. V teni yevraziystva. Lev Karsavin i Semen Frank [In the shadow of Eurasianism. Lev Karsavin and Semyon Frank], in *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii* [Philosophical Polylogue: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy], 2018, No. 2, pp. 43–67. **DOI:** <https://10.31119/phlog.2018.4.4>

В статье рассматриваются отношения между Л. П. Карсавиным и С. Л. Франком, сотрудничество между которыми началось еще в России и продолжилось в эмиграции. В частности, они вместе работали в Русской религиозно-философской академии и Русском научном институте в Берлине, участвовали в Русском христианском студенческом движении. Они не только принимали совместное участие в научных, педагогических и издательских проектах, но и помогали друг другу в личных вопросах. В статье проанализирован контекст привлечения Франка Карсавиным к евразийским проектам. В Бахметевском архиве Колумбийского университета хранятся пять писем Карсавина Франку и одно письмо жене Франка Татьяне Сергеевне, а также два письма супруги Карсавина Лидии Николаевны к Татьяне Франк; они публикуются в качестве приложения. Кроме того, публикуется текст «Памяти Льва Платоновича Карсавина», оригинал которого также находится в Бахметевском архиве. Эти архивные материалы позволяют лучше узнать творческий путь Франка и Карсавина, раскрывают историю личных и творческих отношений между ними и некоторые подробности их философских биографий.

Ключевые слова: С. Л. Франк, Л. П. Карсавин, евразийство, Русский научный институт, Русская религиозно-философская академия.

The article discusses the relationship between L. P. Karsavin and S. L. Frank. Cooperation between them started in Russia and was continued in emigration. In particular, they worked together at the Russian Religious-Philosophical Academy and the Russian Scientific Institute in Berlin and they both participated in the Russian Christian student movement. They not only participated in scientific, pedagogical and publishing projects, but also helped each other in various personal matters. Karsavin engaged Frank to some Eurasian publications, despite the fact that the latter did not belong to the Eurasians. The Bakhmeteff archive at the Columbia University contains five letters from Karsavin to Frank and one letter to his wife, Tatyana Sergeevna, as well as two letters of Karsavin's wife Lydia Nikolaevna to Frank's wife Tatyana Sergeevna, which are published in this issue of the journal. The letters reveal the history of personal and creative relationships between the two philosophers. Beside it, the text "In the Memory of Lev Platonovich Karsavin", the original of which is also kept in the Bakhmeteff archive, is also published. These archival materials help us better understand the creative work of Frank and Karsavin as well as some details of their philosophical biographies.

Keywords: S. L. Frank, L. P. Karsavin, Eurasianism, emigration, Russian Scientific Institute, Russian Religious-Philosophical Academy.

* Выражаю глубокую признательность Геннадию Аляеву (Полтава), Татьяне Резвых (Москва), Александру Цыганкову (Москва), Мартину Байссвенгеру (Москва), Владимиру Шаронову (Калининград) и Франсуазе Лесур (Лион) за ценные уточнения и замечания, а также за помощь в расшифровке писем Льва и Лидии Карсавиных.

С. Л. Франк был одним из немногих русских философов-эмигрантов, которые были по-настоящему дружны с Л. П. Карсавиным. Сотрудничество между ними началось еще в России. Недавно обнаружилось, что Франк правил Карсавинский перевод трактата Николая Кузанского «О ученом неведении», оставшийся неопубликованным. В архиве А. А. Франковского хранится также письмо Франка об этом переводе, датированное концом 1921–1922 года [27, с. 59]. Тогда же Карсавин написал довольно похвальную рецензию на книгу Франка «Очерк методологии общественных наук», хотя и не преминул заметить, что находит в его учении некоторые «опасные высказывания» [12, с. 113]. Однако особым образом их отношения развились уже в эмиграции, поскольку оба были пассажирами «философских пароходов», направлявшихся в Штеттин, хотя и разных: Франк – «Обербургомистр Хаген», отчалившего от берегов Невы 29 сентября 1922 г., а Карсавин – «Пруссия», отплывшего 16 ноября того же года. Обоих философов можно отнести к «русским европейцам» [47, с. 47]. В настоящей статье, предваряющей публикацию писем Льва и Лидии Карсавиных к С. Л. Франку, будет вкратце прослежена история их дружбы и сотрудничества, которая составляет контекст их переписки.

Сразу после изгнания из России Франк обосновался в Берлине, куда спустя два месяца прибудет также Карсавин. Условия жизни в изгнании были очень тяжелыми. По словам Карсавина, «Один день я у Семена Людвиговича займы попрошу, другой день он у меня, так и живем» [21, с. 127].

Самый крупный проект, в котором участвовали Франк и Карсавин – это Русская религиозно-философская академия. Оба философа выступали на ее открытии 26 ноября 1922 г.: Франк с докладом «Религия и философия», Карсавин – вместо заболевшего И. А. Ильина. Чуть позже Н. Бердяев 5 декабря 1922 г. писал П. Струве: «В Берлине основывается религиозно-философский журнал под моей редакцией при ближайшем участии С. Л. Франка и Л. П. Карсавина» [35, с. 182] – речь шла о сборнике «София. Проблемы русской духовной культуры и религиозной философии» [50]¹, для издания которого Карсавин «привлек деньги Когана» [31, с. 99]². В 1923 г. Карсавин опубликовал отзыв о книге Франка «Введении в философию» [11, с. 22], изданной в основанном им издательстве «Обелиск». Они также вместе работали Русском Научном Институте, открывшемся в конце 1922 г. в Берлине. Стоит отметить несколько дат заседаний различ-

¹ Этот сборник упоминался при допросе Карсавина: «В этом журнале, наряду с научно-философскими статьями, печатались статьи явно антисоветского содержания, в написании которых принимали участие БЕРДЯЕВ, ЛОССКИЙ, ФРАНК, СТЕПУН, я лично и другие русские эмигранты» [45, л. 90].

² Имеется в виду Абрам Самуилович Каган (1889–1983) – владелец издательства «Обелиск».

ных научных организаций и сообществ, на которых пересекались Франк и Карсавин: 1 декабря 1922 г. состоялось основание Русского Научного Института, в этот же день – сессия Русской Академической Группы и Русской религиозно-философской академии, где Франк прочел лекцию «Греческая философия», а Карсавин – «Духовная культура средневековья».

Во втором семестре 1923 г. состоялись лекции в Русском Научном Институте (курсы Франка «Введение в философию» и «Семинар по русской философии», Карсавина – «Россия и Запад»), 30 ноября 1924 г. – заседание Комитета по сооружению Сергиевского подворья в Париже (доклад Карсавина «Богословские мысли и духовные академии в русской культуре» и Франка «Национальное значение Духовной академии»). 1 марта 1925 г. оба философа выступали в Кенигсбергской университете.

Особо следует сказать о встречах в Русской религиозно-философской академии: 15 апреля 1923 г. состоялся доклад Франка «Судьба европейской культуры» с участием в дискуссии Карсавина, 29 апреля 1923 г. – доклад Карсавина на тему «Христианский догмат как основа жизни» с дискуссионным Франком, 13 мая 1923 г. – дискуссия о «Христианстве и социализме» с участием обоих, 1 ноября 1923 г. – доклады Франка «О смысле жизни» и Карсавина «Основы православного мирозерцания». В первом семестре 1924 г. Франк прочел курс «Христианская социальная философия», а Карсавин – «Патристика»; 23 апреля 1925 г. они принимали участие в дискуссии по докладу Льва Шестова «Библия и наука», 10 и 17 мая 1925 г. – на заседаниях по случаю смерти патриарха Тихона [63, с. 140, 163, 176, 179, 182, 202, 235, 238, 250, 258, 260].

Франк и Карсавин были на съезде Русского христианского студенческого движения в Саарове в 1923 г., а в 1924 г. участвовали в сборнике «Проблемы русского религиозного сознания» [43], а в 1926 г. Франк сообщал о. Сергию Булгакову, что Русский Научный Институт, философско-историческое отделение которого он возглавлял¹, «задумал ближайшим образом выпустить на нем[ецком] языке сборник “Moderne russische Denker in Selbstdarstellungen” [Современные русские мыслители в собственном представлении. – Т.О.]» [6, с. 231], в котором предполагалось участие также Карсавина. Только эти избранные, далеко не все, факты, красноречиво свидетельствуют о том, что сотрудничество Франка и Карсавина продолжалось и в столице Германии. О Карсавине Франк упоминал в своей статье «Wesen und Richtlinien der russischen Philosophie» («Сущность и ведущие мотивы русской философии»), опубликованной по-немецки в 1925 г.: «...последнее поколение русских мыслителей приходит к новым социальным и философско-историческим конструкциям, в которых от-

¹ «Я, списавшись с Ильиным и сговорившись с Карсавиным, сам себя провозгласил представителем или председателем берлинск[ого] отделения» [10, с. 133].

четливо выражено влияние религиозной философии. Я назову здесь только имена Петра Струве, Бердяева, Карсавина» [56, с. 155].

Много лет спустя Карсавин во время допроса сообщил, что «По прибытии в Берлин через своего знакомого философа Франка Семена Людвиговича, являвшегося непримиримым врагом Советского государства, от чехословацкого правительства я получил предложение переехать в Прагу с обещанием платить мне пенсию, но от данного предложения отказался, так как оно исходило, как потом я узнал от Лидера правого крыла кадетов Петра Струве, с которым я знаком не был» [44, с. 7].

Карсавин действительно в 1926 г. переселился из Берлина, но не в Прагу, а в Кламар под Парижем. Тем не менее, он навещал семью Франка в Германии. Виктор Франк, сын выдающегося философа, в своих воспоминаниях о детских годах, проведенных в Берлине, писал: «Лев Платонович Карсавин несколько раз останавливался у нас после того, как в конце 20-х уехал из Берлина в Прибалтику. Последний раз он приходил к нам за несколько лет до моего переезда в Англию. В тот раз он просил меня показать ему знаменитый берлинский музей – Пергамон, музей кайзера Фридриха и некоторые другие... Бедный Лев Платонович жил с женой и дочерьми в Париже, хотя их отношения – как рассказывала мне мама – складывались так, что в течение нескольких лет они не разговаривали. Хорошо помню его дочь Сюзанну, я часто играл с ней. Она была толстой, и меня не интересовала. Старшая дочь Карсавина, Марианна, вышла в Париже замуж за некоего Сувчинского (позже он стал певцом). Трагическая судьба Карсавина – после оккупации Прибалтики он был арестован Советскими властями и умер в концлагере – хорошо известна и документирована» [51, с. 135].

Вернемся же к 20-м годам, в которые наиболее ярко проявилась как полемика, так и солидарность Франка с Карсавиным. В письме к Бердяеву, отправленном в 1923 г., Франк сообщил: «Имел я свидание и беседу с Карсавиным. Беседа протекала очень тягостно. В мягкой форме я ему высказал все, и он, по-видимому, очень болезненно это воспринял, хотя и уверил, что нисколько не обиделся. Внешний результат беседы неудовлетворителен: он мне сказал, что измениться не может, “горбатого могила исправит”, и что то, что мы считаем недостатком, вытекает из глубочайшего личного своеобразия его духовного опыта – из потребности по временам высказывать всю правду и потому высмеивать всякое, в том числе и собственное умствование, потому что оно не есть подлинная правда. В заключение он предложил сделать надлежащие выводы и исключить его из дела, которому он, по нашему мнению, вреден. Но я имею впечатление, что *внутренняя* реакция его на эту беседу будет иной и более благоприятной; склонен думать, что он будет вести себя сдержаннее» [10, с. 131].

Несколько позже Франк писал об очередных трудностях, связанных с пребыванием Карсавина в Свято-Сергиевском институте: «Пуб-

личных собраний академии у нас не было: я сознательно их не устраивал, главным образом ввиду трудностей совместных публичных выступлений с Л. П. Карсавиным. На собрании, устроенном для пропаганды духовной академии (где выступил еп. Тихон, я и Карсавин¹), Карсавин превознес до небес старые русские академии и все русское казенное богословие и высказал ряд инсинуаций по адресу организуемой в Париже академии. К счастью, народа было мало и инцидент не имел особых последствий» [10, с. 134].

Действительно, Карсавин был обижен на многих русских эмигрантских философов. По его словам, «они только соперничают со мной и не думают помогать, они даже стараются, чтобы ИМКА, финансирующая наш институт, не делала бы предпочтения мне. Конечно, я не говорю обо всех, но надо смотреть в глаза истине. Я бы не стал об этом говорить с другими, но вы ведь совсем иной, вы этим не воспользуетесь. Доложу я вам, нравы у нас в эмиграции не очень высокие. Мы все ругаем большевиков, а мы-то сами?! Вот за эту критику меня и не любят русские эмигранты» [62, с. 206].

В Берлине Карсавин чувствовал себя очень одиноким, поскольку «вызывал недоверие к себе среди своих коллег и остался как бы отрезанным от них» [62, с. 208], в результате чего, а также ввиду материальных затруднений и надежды получить место на кафедре патристики недавно созданного Свято-Сергиевского института, он решил перебраться в Париж. Карсавин упоминал о том, что «Проф. Франк собирается в феврале в Париж читать введение в философию на Крымской улице» [1, л. 1–2].

Особо стоит отметить тот факт, что именно Франк предложил декану института, о. Сергию Булгакову, кандидатуру Льва Платоновича на должность профессора патрологии. Франк писал Булгакову: «Как Вы знаете, в Париж с 1-го августа переселяется Л. П. Карсавин. В. В. Зеньковский писал мне, что на этот случай имеется в виду привлечь его к чтению лекций в Академии. Мое мнение вы знаете. Но я хотел бы еще раз рекомендовать Карсавина вам и остальным членам Совета Академии. Если Карсавину внушить, что он должен по возможности воздерживаться от безответственных богословских мудрствований и излагать учение Отцов, и если оказать ему доверие привлечением его в лекторы, то я уверен, это подействует на него. Он очень чувствителен к обидам, и, наоборот, к доверию и доброму отношению. Привлечение его в Академию соединит сразу два добрых дела: приобретет выдающуюся и первоклассную научную силу и окажет благотворное моральное влияние на самого Карсавина. Я убежден, что с кафедры Академии он не позволит себе неприличных

¹ Лекция Карсавина под названием «Богословские мысли и духовные академии в русской культуре» состоялась 30 ноября 1924 г. и была организована «Комитетом по сооружению Сергиевского подворья в Париже». Отчет об этом мероприятии появился в газете Руль [17, с. 4; ср.: 63, с. 238].

выходок, которые он любит делать в публичных выступлениях. В нем, увы, сидит мелкий бес, и, вместе с тем, он хороший и порядочный человек, что бы о нем ни говорили, не говоря уже о достоинствах его как ученого. То, что он кинулся в объятия евразийцев и вообще много куролесит, есть в значительной мере результат угнетавшего его чувства одиночества, и в этом, по моему ощущению, есть наш грех, в частности, и прежде всего – мой грех. С ним, конечно, приходится “нянчиться”, но, по моему сознанию, это есть некоторый крест, который нам надо взять на себя» [6, с. 234].

Примерно в это же время митрополит Вениамин (Федченко), первый инспектор Свято-Сергиевском института, сообщал С. Франку расписание занятий в Париже: «1. Сначала приезжаете Вы (с 15 октября – начала учебы – до 15–20 ноября) – ист[ория] древн[ей] ф[илософи]и, по Аристотеля. 2. Затем читает Л. П. Карсавин (элл[инизм], средн[евековье] и Возрожд[ение]) до января... 6. Л. П. Карсавину до 1927 г., кроме Вашего прошения, ничего пока не можем предоставить, а с 1927 г. – Историю Зап[адных] Церквей, – и постараемся... сделать его *штатным* профессором» [34].

Эти планы огорчали Г. В. Флоровского, который жаловался прот. Сергию Булгакову: «По возвращении своем из Финляндии Вас[илий] Вас[ильевич] [Зеньковский. – Т.О.] снова смутил меня – сообщением со слов Франка, что распределение философ[ских] предметов опять изменяется, причем меня снова возвращают на введение. Вместе с тем дошли слухи об избрании Карсавина. Надеюсь, что не на Патрологию, т.к. именно с ним мне было бы тяжело иметь непосредств[енное] преподавательское общение» [15, с. 405].

В свою очередь, Франка возмущало непостоянство и колебания со стороны руководства института в отношении Карсавина. В письме к жене, Татьяне Сергеевне, он сокрушался, что в Свято-Сергиевском институте могут бояться «пригласить Карсавина (они даже Бердяева бояться), но они обижают Карсавина больше всего своей двойственностью, сегодня приглашают, а завтра являются новые трудности» [2, л. 30]. Карсавин в мае 1926 г. не скрывал своего разочарования: «В Дух[овную] Акад[емию] не верю, т[а]к к[а]к тамошние персоны ориентированы прежде всего на крещеного жида (т. е. на Франка, которого, впрочем, ценю, хотя и не преувеличено)» [15, с. 400].

Как известно, преподавать патрологию пригласили Георгия Флоровского, поддерживаемого о. Сергием Булгаковым, и Карсавин не мог проявить себя в Париже как исследователь святоотеческого наследия. Одной из причин было то, что Лев Платонович был в то время тесно связан с евразийским движением [64, с. 357–365; 65, с. 210–237; 5, с. 160–192], чуждым по духу тем целям, который ставил перед собой Свято-Сергиевский институт. Кроме того, «Лев Платонович был нелюбим из-за того, что резал “правду-матку”» и уже во время чтений лекций в русском Научном институте в Берлине «его почти

бойкотировали за то, что он говорил что Бог на душу положит, как например, “взять Бога за рога”» [62, с. 196, 204].

Но самое главное – у руководителей Свято-Сергиевского института «вызвала возражения личная репутация философа, поскольку увлечение Е. Скржинской и книга “Noctes Petropolitanae”, его воспевшая, придали этой репутации скандальный оттенок» [23, с. 13]. Карсавин не сошелся ни с Булгаковым, ни с Бердяевым, о чем упоминает в своих письмах к Франку. В свою очередь, последний писал 9 марта 1927 г.: «Хотя мне мало нравятся выступления Карсавина, но злобная травля евразийцев меня возмущает» [8, с. 125]. Как отмечают С. С. Хоружий и Ю. Б. Мелих, «искренняя попытка Франка подкупает, но сегодня мы можем задним числом сказать, что в любом случае вхождение Карсавина в Свято-Сергиевскую корпорацию не было бы прочным. Традиционалистский дух и стиль этой корпорации были чужды ему, и по рассказам, позднее он называл Богословский институт “пандемониум”» [24, с. 83–84].

В конечном счете, 12 ноября 1926 г. «пришло извещение через проф. С. Л. Франка, что проф. Карсавин отказывается от чтений лекций в Богословском институте» [15, с. 407]. Единственными близкими Льву Платоновичу людьми в Париже были евразиец Петр Сувчинский, ставший его зятем, и Марина Цветаева, которая писала, что в Париже «есть евразийский круг – Сувчинский, Карсавин» [57, с. 78]. К великой поэтессе мы еще вернемся, а пока следует подчеркнуть, что именно Сувчинский¹ предложил Карсавину поменять место жительства на Францию и все устроил к его приезду. Карсавин первоначально сомневался: «Переехать хотел бы, но сомневаюсь в доходности Парижа. На днях однако слышу слухи о моем переселении, распространяемые Франком, к[о]т[ор]ому очевидно написали из Академии Духовной. Т[а]к к[а]к всякий человек других на свой аршин мерит, Франк подозревает меня в усиленных хлопотах... Очень уж опротивела мне вся эта Берд[яевщина], ему и Франку свойственная склонность отыграться на благородном духовном взаимообщении в свою материальную пользу. У меня одно чувство: только бы от всех их подальше» [15, с. 401].

Вскоре Карсавин принял предложение о переезде, отвечая 12 июля 1926 г. Сувчинскому: «Ваша мысль о поселении в Clamart всем приемлема и мне, в силу соседства с Вами, приятна. И если бы Вы могли там найти нам помещение в 4–3 комн[аты] (3 по-моему дешев-

¹ Во время допроса Карсавин говорил о Сувчинском следующее: «Через Сувчинского, ставшего в последствии моим знакомым, я ознакомился с евразийской литературой. По его просьбе написал рецензию о евразийстве, которая потом была опубликована в “Современных записках”. Несмотря на критический характер моей рецензии, евразийцы предложили мне принять участие в издаваемых ими сборниках статей под названием “Евразийский временник”, на что я и согласился» [44, с. 37].

ле и достаточно), то это было бы наилучшим: мы могли бы сразу туда и приехать» [16, с. 188].

В скором времени, «20 июля, уладив при помощи того же Сувчинского все формальности с визами (у Карсавина был в то время советский паспорт), они приезжают в Париж на 11bis, rue St. Cloud (Villa Louis Grossin) [ныне rue d'Estienne d'Orves] в небольшом двухэтажном каменном доме с маленьким садом, в окружении целой колонии русских эмигрантов» [16, с. 188]¹. В декабре этого же года на евразийском семинаре Карсавин прочел цикл лекций «Россия и Европа». В ноябре 1926 г. Франк посетил евразийское собрание, о котором писал: «...лекция Карсавина – тяжелое впечатление. Карсавин с горя кинулся к евразийцам и запряг себя в лямку. Сегодня он у меня будет для переговоров об Академии. В Академии... хотят при участии митрополита пересмотреть вопрос о штатах в отнош[ении] Карсавина и меня, т. е. о немедленном введении новых штатов. Но дело может опять сорваться из-за нежелания нек[оторых]рых иметь Карсавина» [2, л. 27].

Ранее, 22 октября 1926 г. С. Франк навещил Карсавина в Кламаре. Он поделился своими впечатлениями с женой: «Карсавины мне страшно обрадовались все, Сусанночка прямо сияла от восторга, она тоскует по Васеньке. Они примитивно обставились, квартира у них во дворе, в закоулке, но лучше, чем у Бердяева, есть ванна. Внизу столовая, кухня и каморка-кабинет, наверху две спальни и ванная. Барышням уже нравится Париж. Но живут они по-деревенски, единственное развлечение – деревенский кламарский кино. У них был и Сувчинский, он приедет ко мне завтра о каких[-]то делах разговаривать, буду просить денег» [2, л. 23]².

Еще будучи в Берлине, Карсавин уговорил Франка принять участие в одном из евразийских сборников, для которого подготовил эссе «Собственность и социализм» [55, с. 262–284], несмотря на возражения и опасения других евразийцев. Стоит привести обширный фрагмент из письма Н. С. Трубецкого к П. П. Сувчинскому от 19 октября 1925 г., в котором раскрываются подлинные мотивы привлечения Франка к проекту евразийцев: как их опасения на его счет, так и, в конечном счете, согласие опубликовать работы Семена Людвиговича в их издательстве.

«Во-первых – вопрос о Франке. П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] приводит очень веские доводы против напечатания у нас главы из его

¹ Это был уже второй адрес, где Карсавины жили с 1-го октября 1926 г. – первое жилье, подобранное Сувчинским (22, rue St Cloud), чем-то не устроило, – возможно, отсутствием ванны, что очень расстроило девочек, а во втором она уже была.

² Позже, 6 ноября 1926 г. Франк писал жене: «Сегодня был с прощальных визитом у Бердяева и Карсавина, Сусанночка очень нежна со мной как с Васенькиным папой и даже послала маленькую игрушку на память Васеньке» [2, л. 32].

будущей книги. Доводы по существу. Социологическая концепция Франка совершенно богословски необоснованна и мало имеет общего с нашими идеями. В частности, Франк исходит из общества, а личность считает производным из общества. Т[аким] о[бразом], для существа нашей идеологической работы, для стройки нашей идеологической системы глава из будущей книги Франка никакой непосредственной пользы принести не может, а (добавляю от себя) может принести и вред, если между этой статьей и какими-нибудь нашими тезисами окажутся противоречия, которые потом придется разъяснять и распутывать. Мог бы иметь значение только самый факт появления этой главы во “Временнике”: вот, дескать, и Франк с нами. Но это ослабляется и тем, что статья эта не специально для нас написана, а представляет из себя главу будущей книги, и тем, что она будет снабжена ограничительным примечанием. Связь Франка с нами явствует и без того из факта появления его брошюр в нашем издательстве. П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] недавно случайно видел список ученых трудов Франка, присланный им (Франком) для какого-то справочного издания. В этом списке за длинным перечнем журнальных статей идет короткий перечень работ, вышедших отдельными изданиями: таких работ у Франка, оказывается, всего 7, и из них 2 (“Религия и наука”, “Основы марксизма”) вышли у нас. Т[аким] о[бразом], 2/7 Франка уже несут на себе нашу печать. Т[ак] к[ак] на последней странице “Временника” будет помещен перечень наших изданий, включающий в себя и 2 брошюры Франка, то цель закрепления за собой имени Франка уже этим достигнута. Во всяком случае, для одной этой цели положительно не стоит обременять “Временник” по существу лишней статьей. Вот если бы Франк написал специально для нас статью (П[етр] Н[иколаевич] С[авицкий] предлагал тему “Что есть истинная собственность”), то ее следовало бы напечатать, – но, конечно, без ограничительных примечаний. Эти рассуждения П[етра] Н[иколаевича] С[авицкого] мне кажутся весьма убедительными. От себя добавлю еще следующее. Во-первых, мне кажется, что одним из главных моментов, побуждавших нас во что бы то ни стало получить хоть какую-нибудь статью от Франка для “Временника”, было желание подпустить шпильку Струве... Еще до свидания с П[етром] Н[иколаевичем] С[авицким] я как-то размышлял над Франком и Карсавиным и пришел к заключению, что Франк все-таки “бывший человек”, человек прошлого, тогда как Карсавин – человек современный. Карсавин может идти с нами до конца, тогда как Франк может пройти с нами только несколько шагов. Франк все-таки гордится и рисуется своим прошлым, чего совершенно нет у Карсавина. Карсавин делает на нас серьезную ставку, мы ему необходимы, и он за нас будет крепко держаться. Франку же мы не нужны, он самоуверен и связью с нами особенно не дорожит. Поэтому опасно слишком связываться с ним. Он всегда может вдруг сделать volte-face и начать нас ругать в печати, что может быть неприятно: все-таки

Франк – не Бицилли. Итак, я тоже высказываюсь против напечатания главы из будущей книги Франка у нас во “Временнике”. Если он может написать специально для нас такую статью, которая по своему содержанию органически входила бы к нам и способствовала бы стройке нашей идеологической системы, то такую статью мы можем принять, но опять-таки, не потому, что ее написал Франк, а потому, что она подходит по содержанию» [37, с. 336–338].

Действительно, в конечном счете, Франк предложил для «Евразийского Временника» отдельную статью, хотя и требовал от Карсавина, что видно в прилагаемой переписке, право (непризнанное ему) на оговорки. Н. Трубецкой писал также по поводу заказанной и опубликованной евразийцами «антикомсомольской» работы Франка, упомянутой в вышеприведенном фрагменте, под заглавием «Религия и наука» [54]: «Брошюру Франка прочел и, в общем, остался ею доволен. Имейте только в виду, что переписана она скверно: есть такие опечатки, что местами трудно понять смысл. Поэтому первую корректуру непременно пошлите автору» [37, с. 338].

Н. Трубецкой также писал П. Сувчинскому: «Франк для меня неясен: начало (вся первая половина) его статьи в Рус[ской] Мысли мне очень понравилось (меня поразили некоторые детальные совпадения с моей статьей для америк[анского] сборника), но конец нехорош, и как раз о православии очень неопределенно и смутно» [22, с. 91]. И еще: «Против помещения брошюры Франка во Временник не возражаю, однако считаю, что формулу надо подобрать такую, чтобы и Франка слегка скомпрометировать, и нас удовлетворить, – а не наоборот» [37, с. 340]. Эти высказывания не нуждаются в комментариях – евразийцы отнюдь не доверяли Франку, а всего лишь использовали его имя (как, впрочем, и Карсавина¹) в своих целях. Сувчинский признавался в

¹ См. письмо П. П. Сувчинского к Н. С. Трубецкому от 20 февраля – 4 апреля 1924 г.: «Как Вы отнесетесь к идее пригласить в след. Временник, в качестве спеца-историка Карсавина? За эту зиму он сильно подтянулся... К евразийству относитесь сочувственно. Много говорил с ним и думаю, что предложение принял бы охотно. Я очень хорошо знаю все его слабые стороны. Знаю что это вызовет большое раздражение И. А. Ильина, но в то же время считаю, что следует иметь во всех областях первоклассных спецов, следует расширять круг авторов. Участие Карсавина обратило бы внимание на евразийство совсем иных кругов. Тему нужно ему дать чисто специальную. Вернадский относится к нему как историку с большим уважением. Мы с ним об этом говорили... С Карсавиным – я пока ничего не говорил и если мое предложение окажется не подходящим, то это ничего не повлечет за собой, но у меня есть какое-то чутье, что из приглашения Карсавина – может выйти некоторая польза евразийству. Молодежь и наши молодые ев-цы с большим сочувствием о нем отзываются» [48, с. 482–483]. Ср. ответное письмо Н. С. Трубецкого к П. П. Сувчинскому от 29 апреля 1924 г.: «Ваш план привлечения Карсавина мне очень не нравится. Верю, что он учен, умен и, м[ожет] б[ыть], талантливее многих. Но нравственно он подмочен и скомпрометирован» [22, с. 92]; письмо Г. В. Флоровского к Н. С. Трубецкому от 1 мая 1923 г.: «Карсавина я

письме к Н. Трубецкому: «Как Вы знаете, одним из основных своих заданий я считаю привлечение к евразийству высококвалифицированных спецов. Их нужно, конечно, обрабатывать в стиле и духе всей идеологии, но нельзя создавать (особенно теперь, когда мы только вырабатываем идеологию) для них идеологическую чеку [“ЧК”]. Если бы я в свое время так обращался с людьми, то мы не получили бы и того же Карсавина, и Франка, и Мирского» [25, с. 117].

Интересно привести еще одну, весьма красочную характеристику Сувчинского из письма к Г. Флоровскому, сделанную на раннем этапе евразийского движения: «От Карсавина нехорошо пахнет, темно-внутренний <неразб.>. Франка Вы знаете. Он светлый, но недостаточно острый. Обстоятельность мешает» [28, с. 182].

«Обстоятельность» Франка в данном случае являлась препятствием для проекта евразийцев, хотя, конечно, Сувчинский нехотя сделал комплимент Семену Людвиговичу. Несколько позже Сувчинский с удовлетворением писал: «Недавно был у Франка, который отзывался о “евразийстве” как о “единственной русской идеологии”» [28, с. 189], а затем отметил: «Сегодня имел беседу с Бердяевым и Франком относительно “Временника”. Особенно Франку – книжка, кажется, *очень* понравилась» [28, с. 195].

Франк опубликовал в евразийском издательстве еще одну брошюру, упомянутую в письме Н. Трубецкого и озаглавленную «Основы марксизма» [53]. Евразиец Петр Савицкий по прочтении рукописи «Основ» в письме к С. Франку от 12/25 августа 1925 г. оценил ее как одну из «удачнейших и проникновеннейших» [38; 26, с. 18] работ Семена Людвиговича. Савицкий писал, что хотел «от себя лично поблагодарить за ту большую (без преувеличения) радость, которую Вы мне доставили – дав возможность прочесть эту работу», добавляя: «Вашу просьбу – не делать замечаний и поправок – исполню... Из “Основ марксизма” вижу, что Вы, между прочим, думаете как раз на эти же темы... Предполагаю, что они должны иметь действие “за рубежом” и в письме к П[етру] П[етрови]чу [Сувчинскому. – Т.О.] указываю на желательность возможно скорого их напечатания» [38; 26, с. 18].

В свою очередь, Сувчинский в письме, отправленном из Кламара 30 июля 1926 г., буквально накануне приезда туда Карсавина, предлагал Франку написать еще одну «*научно-популярную* брошюру на тему “Новое в психологии”», в которой он подробно бы остановился «на кризисе современной психологии» и коснулся «“псевдопсихологии” таких авторов, как Бехтерев, Павлов и др[угих] ученых, причисляемых Сувчинским к «современным русским материалистам» [38]. Сувчинский оговаривал условия издания (с обещанием выплаты аванса): «...гонорар – “имковский” 20 дол[ларов] за лист. Размер –

ставлю с тревогою *по нужде*, так как Бицилли впал в ничтожество и ноет» [28, с. 109].

около 5 л[истов]. Сроки, – если можно, к 20^м числам октября; но если раньше, то *тем лучше*. Орфография – *новая*» [38].

Имеется в виду работа «О природе душевной жизни», написанная в 1927 г. по предложению Евразийского издательства в виде брошюры для распространения в России, но впервые опубликованная только в 1972 г. [52, с. 153–239].

В письме к жене Франк объяснял мотив своего сотрудничества с евразийцами следующим образом: «Хотя евразийцы мне тоже не очень нравятся, публика их темная, но я даже доволен, что помещу в их сборнике статью, это будет действенный протест против здешнего сыска и страха оказаться “неблагонадежным”» [2, л. 30]. Уже после публикации статьи «Собственность и социализм» Франк 16 сентября 1927 г. писал своему ближайшему другу Петру Струве: «Если бы даже твоя оценка нравственного облика *евразийцев* была вполне верна (а что она пристрастна, это мне очевидно по крайней мере в отношении Карсавина, ибо Карсавин, несмотря на свой цинизм и любовь бравировать им, в существе своем и очень замечательная личность, и вполне порядочный человек – это я просто с достоверностью *знаю*) – из нее никак не следует однозначно определенное отношение к *евразийству*. Не буду рассуждать, а напому тебе один пример: покойный Розанов был существом не менее “аморальным”, чем Карсавин, и позволял себе общественные безнравственности неизмеримо худшие. Это не мешало тебе не только признавать его талант и значительность его идей, но даже печатать его в своем журнале... Я, конечно, не “евразиец” и никогда им не буду и потому никогда не “впрягусь” в евразийскую колесницу. Я очень хорошо сознаю и идейную, и моральную легковесность этого направления, элемент мальчишества в нем и уже из уважения к своему возрасту не могу солидаризироваться с ним. Но вместе с тем значительность затронутых ими тем и доля истины, содержащаяся в их крикливых утверждениях, для меня бесспорна, и ощущения зазорности простого соприкосновения с ними у меня нет. Я дал им свою статью примерно на том же основании, на котором я, будучи противником кантианства, печатаюсь в немецких кантианских журналах. Я даже хотел дать статью с оговоркой о моей непринадлежности к евразийцам, и только по разным обстоятельствам, о к[ото]рых не стоит говорить, эта оговорка оказалась непопавшей» [40; 26, с. 88–89].

Как следует из вышеприведенных слов Франка, публикация в «Евразийском Временнике» не была его уступкой или компромиссом по отношению к евразийцам, а напротив, скорее выражение его независимого духа, не боящегося критики и осуждений со стороны «иначе мыслящих».

Карсавин также в конечном счете порвал с евразийским движением. Как он писал П. П. Сувчинскому 21 октября 1929 г., евразийство «вступило в длительный период анабиоза, и то на самый хороший конец» [16, с. 192–193]. В Кламаре он чувствовал себя все более

одиноким. Дружеские отношения сохранились только с Мариной Цветаевой и ее мужем, хотя, по признанию М. С. Булгаковой, «Карсавин был единственным человеком, которого Цветаева побаивалась» [16, с. 189]. Поэтесса писала: «Если бы я на свете *жила* (и, пропуская целый ряд других “если бы”) – я бы наверное была евразийцем. Но – ни идея государства, ни российское государство во мне не нуждаются, нуждается ряд других вещей, которым я служу. Сторонне же говоря – евразийские семинары (Карсавин, Вышеславцев и др.) – большое добро. Жаль, что их письменность, пока, ниже их устности – их нужно слушать, а не читать (не о названных говорю, хотя Карсавин, напр[имер], в реплике – *блестящ*)» [57, с. 82].

Тем не менее, существует предположение, что «именно Цветаева со своими симпатиями к советским коллегам, и прежде всего к Маяковскому, явилась поводом к окончательному евразийскому расколу, который в истории получил название “кламарского”» [19, с. 238] и в результате которого Карсавин покинул круг евразийцев, хотя продолжал поддерживать отношения со своим зятем П. Сувчинским.

Вскоре после этого Карсавин получил сразу два приглашения: в письме от 30 апреля 1928 г. от английского мецената и филантропа, финансировавшего газету «Евразия», Генри Нормана Сполдинга в Оксфорд [59, с. 6] и в тогдашнюю столицу Литвы Каунас. Карсавин писал по этому поводу: «Я предполагаю, что на работу в качестве профессора истории в Каунасский университет в 1928 году меня рекомендовал работавший в этом университете в то время профессор философии Василий Эмильевич Сеземан, с которым я был в близких, дружеских отношениях еще в период работы в Петербургском университете и проживания за границей. Лично Сеземан мне об этом не говорил, но это мое личное предположение и я безусловно в этом вполне уверен, так как Сеземан знал меня лучше, чем кто-либо, и только он мог рекомендовать меня на работу в Каунасский университет» [20, с. 25].

Еще в 1927 г. декан Гуманитарного факультета университета Винцас Креве-Мицкявичюс писал Карсавину: «Имея в виду, что Вы в письме к проф. Сеземану выразили согласие вступить в нашу коллегию, Гуманитарный факультет Литовского университета выбрал Вас ординарным профессором по кафедре всеобщей истории» [29, с. 11]. Аарон Штейнберг же считал, что приглашение в Каунас последовало от самого президента Литовской республики Августинаса Вольдемараса, одного «из товарищей Льва Платоновича по университету в Петербурге» [62, с. 209–210].

Уезжая, Карсавин оставил Цветаевой и ее семье свой большой письменный стол, на котором они «в случае гостей, обедали. И гладили. И кроили» [58, с. 187]. Скорее всего, именно этот стол упоминается в публикуемых письмах Лидии Карсавиной. Она сама и дочери Карсавина остались в Париже, «в чем нельзя не ощутить соприкосновения со стороны семьи, для которой по сравнению с Парижем

Литва представлялась культурной периферией» [7, с. 341]. Семья воссоединилась только в 1933 г., «за исключением средней дочери, Марианны Львовны, вышедшей замуж за П. П. Сувчинского и оставшейся в Париже» [7, с. 343].

В Каунасе Карсавин вскоре получил известность. 26 января 1928 г. философ прочел первую лекцию в университете [18, с. 171]. Его приятель вспоминал: «Он очень хорошо там устроился. Прямо совершил чудо. Меньше чем через три года он так овладел литовским языком, что литовцы, приходившие слушать его лекции, говорили, что мало кто из настоящих литовцев знал и умел так красиво говорить по-литовски, как профессор Карсавин» [62, с. 210].

Не случайно профессор Каунасского университета Владимир Шилкарский (1864–1960) говорил А. Штейнбергу, что Лев Платонович принесет Литве бессмертие: «Он стал литовцем – это же так замечательно. Его лекции, его литовский язык, это же прямо драгоценности, принесенные на литовскую землю» [62, с. 212].

В 1928 г. столицу Литвы приезжал с лекциями и С. Франк. Интересно отметить отзыв каунасского обозревателя, слушавшего Семёна Людвиговича: «Ковенскому обществу, слышавшему уже не раз научно-философский анализ русского лихолетья с точки зрения евразийства, было вдвойне интересно выслушать профессора Франка и сравнить его выводы с оценкой профессора Карсавина. Отметим их важное расхождение: евразийство в лице профессора Карсавина направляет острие своего анализа на кризис разрушенного революцией строя, в то время как внимание профессора Франка уделено, главным образом, кризису самой революции и воплощенных в ней начал» [4].

Позже, в 1930 г. Франк писал жене в Берлин, находясь в лекционной поездке: «...получил от вас газету и открытку Карсавина. Карсавину написал, просил заехать ночевать... Я написал ему и по существу 1) что я хотел бы иметь поездку в Ковно 2) что мечтаю получить там постоянное место. Поговори с ним... Нельзя предвидеть, какое будет правительство и как оно будет относиться к нам. Я надеюсь на лучшее, т. е. что разумные головы удержатся у власти, но на всякий случай нужно искать себе пристанища, и здесь единственное мыслимое – Ковно. Так что ты поговори с ним и с Сеземаном внушительно» [3, л. 12].

Впрочем, уже на следующий день Франк уточнял: «...я подумал, что Ковно (если бы с ним что-нибудь удалось, что еще очень сомнительно), тоже не то, что нужно – ехать туда ты реально не сможешь, п. ч. не оставишь Алешу, да и содержать троих старших будет не по силам, и наконец и Васеньке бы это испортило образовательн[ую] дорогу. А ехать мне одному – значит расставаться на конец жизни, стоит ли тогда вообще жить? Ну, этого ты Карсавину не говори, пусть пока старается, и в случае удачи будем иметь про запас» [3, л. 13].

В 30-е годы уже Карсавин пытался помочь Франку с трудоустройством в Литве, что нашло отражение в прилагаемых письмах

Льва Платоновича, но этим планам не суждено было осуществиться. После второй мировой войны, когда Литва была присоединена к СССР, 9 июля 1949 г. Карсавин был арестован и сослан в Абезь, где он скончался в лагерной больнице. При обыске, среди прочего, была обнаружена книга Франка «Смысл жизни» [60, с. 29].

Согласно протоколу допроса, Карсавин сообщил о Франке следующую информацию: «ФРАНК Семен Людвигович, приблизительно 70–75 лет, кто он по происхождению не знаю, православный еврей. До Октябрьской революции первое время занимался литературной деятельностью, примыкал к партии кадетов, принимал участие в редакции кадетско-меньшевистского журнала “Русская мысль”, главным редактором которого являлся ярый враг Советской власти эмигрант Петр СТРУВЕ. Затем работал в качестве профессора философии в Саратовском университете. После Октябрьской революции переехал в Москву, где занимался либеральной деятельностью. В Берлин ФРАНК прибыл в 1922 году, где проживал до 1936–37 гг., а затем по приглашению своего сына, женившегося на богатой англичанке, переехал жить на юг Франции, где сын для него построил дачу. Во время начавшейся в 1940 году войны между Германией и Францией он при содействии своего сына переехал жить в Лондон, где должен находиться до сих пор. Во время своего пребывания в Берлине и Париже занимался научной литературной деятельностью, написал ряд книг, как, например, “Крушение кумиров”, “Основы марксизма”, “Смысл жизни”, “Начало учения об обществе”, явно антимарксистского содержания. В этих книгах ФРАНК отрицал марксистскую материалистическую теорию, классовую борьбу и, следовательно, революцию и Советскую власть. Он развивал в них господство в обществе религии, иерархии, короче говоря, проповедовал буржуазно-демократическую теорию общества, он всецело стоял за сохранение частной собственности. Будучи в Берлине, он сотрудничал в издававшемся русскими эмигрантами КАГАНОМ и БЕРДЯЕВЫМ журнале “София”, в котором писал свои статьи, направленные против марксистско-ленинского мировоззрения. Читал лекции по философии для русских эмигрантов на курсах “Союза христианской молодежи” и в русском Научном Институте. В период своего проживания в Берлине я с ним был в близких отношениях, часто посещали друг друга, беседовали по различным научным вопросам. Он также поддерживал дружеские отношения с Петром СТРУВЕ, иногда приезжавшим из Праги в Берлин. К евразийскому движению не примыкал, хотя и был хорошо знаком с его руководителями СУВЧИНСКИМ, САВИЦКИМ и другими» [46, л. 91].

Судьбой Карсавина интересовались многие русские философы-эмигранты, включая Франка. В 50-е годы его вдова Татьяна Сергеевна переписывалась с дочерью Карсавина Марианной, живущей в Париже, которая извещала 12 апреля 1956 г.: «Месяц назад получила известие о папиной смерти – и по[-]видимому из одного и того же ис-

точника (в Германии – Reutlingen), что и тетя Тамара. Не написала Вам раньше, потому что ждала подтверждения, и имела слабую надежду, что это ошибка. Также мне сообщили адрес немецкого пленного, бывшего с папой в том же лагере Abes-14-B (по-моему, это в Восточной Германии). Жду от него ответа, надеюсь получить сведения точнее и подробней» [33].

В следующем письме Марианна делилась сведениями: «Получила письмо из Германии от русского немца, бывшего в лагере Абезь (на реке Уссе рядом с Воркутой), где скончался папа. Он лично не знал папу, т. к. приехал туда через несколько дней после его кончины... но знал хорошо всех друзей и учеников, бывших заключенных вместе с папой, которые, он пишет, его очень любили, окружали заботой, переписывали его работы: он мне пишет также, что папа состоял все время в переписке с мамой и дочерью (по-видимому, с С[усанной] в Литве) и получал от них и от друзей посылки. Физически, по его словам, условия были сносные, и папа так не нуждался; по состоянию своего здоровья он был в больнице лагеря, где мог много писать. Он сам (немец) вывез оттуда несколько копий папиных последних статей и теперь хочет их опубликовать в Германии. Для всех пленников лагеря он был “центром и важным жизненным стимулом, особенно когда его беседы касались религиозно-философских вопросов” – цитирую Вам слова из письма. Похоронен папа на общем для заключенных кладбище» [33].

Позже, 27 февраля 1957 г., Т. С. Франк получила сообщение от Глеба Струве, что П. Савицкий сообщил дату смерти Карсавина и что тот «держался до конца с большим достоинством. (Они, кажется, были в одном лагере)» [30; 26, с. 70–71]¹. В этой связи она просила Глеба Струве: «Я бы просила тебя узнать что-нибудь у Савицкого о Льве Платоновиче Карсавине, знает ли он о его смерти, т. е. как и отчего умирал Л[ев] и верно ли то, что он принял монашество?» [41]. Именно обстоятельства последних дней Карсавина раскрыты Т. С. Франк в выступлении, публикуемом ниже, которая отмечала, что «если сходилась с людьми, то на почве всяких романтических историй, т.е. не моих “романов”, а именно романы и драматические... – как-то история... Карсавина» [42].

В заключении мы вкратце отметим сходство многих философский идей Карсавина и Франка, прежде всего, их концепцию всеединства. По словам Карсавина, созвучным Франку: «Единый центр живет тем, что иррадирует, излучается сразу во все точки окружности, и каждая из них излучается обратно в центр. Таким образом, каждая точка окружности есть один и тот же центр, но друг от друга они отличаются как разные точки окружности. Каждая обладает всей полнотой, присущей центру, но в своей собственной, качественной единственности» [7, с. 17].

¹ П. Н. Савицкий и Л. П. Карсавин в одном лагере не были.

Карсавин высоко ценил творчество Франка, считая, что «после трудов Н. О. Лосского, С. Л. Франка, Б. П. Вышеславцева основные проблемы онтологии и гносеологии всеединства могут считаться выясненными» [13, с. 329]. Подобно Франку, он был убежден, что «онтологический аргумент как прямое усмотрение Бога есть не что иное, как откровение Бога в мысли, облеченное в логическую форму» [7, с. 49]. Оба философа, как уже отмечалось, развивали апофатическую традицию и были последователями Николая Кузанского [9, с. 125–138; 65, с. 85–92]. Они «считали его своим учителем, хотя и использовали его философские разработки по-разному: если Франк в основном опирался на его апофатические элементы, идею “незнания” и непостижимого, идею “умудренного неведения”, то для Карсавина была важнее пантеистическая направленность Кузанского, момент “стяженности”» [61, с. 161]. Стоит также отметить ведущую роль личности в их философских концепциях [14, с. 70–72, 74–75].

В Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк) хранятся пять писем Льва Платоновича Карсавина Семену Людвиговичу Франку и одно его письмо Татьяне Сергеевне Франк (к слову, ими интересовался Никита Струве, спрашивающий у Т. С. Франк, «сохранились ли письма Карсавина к С. Л.» [38]), а также два письма Лидии Николаевны Карсавиной (1882–1961) Татьяне Франк. Кроме того, известны два письма Т. С. Франк к Л. П. Карсавину за 1934 г. (от 16 сентября и без даты) из собраний Пушкинского Дома [49]. В первом письме Татьяна Сергеевна писала втайне от мужа о материальных трудностях их жизни и просила им помочь, надеясь, что Франку удастся попасть в Прибалтику и что он сможет частично возместить долг, получив гонорар за публикацию в ковенском журнале.

Ниже мы публикуем письма из фонда С. Л. Франка Бахметевского архива и текст выступления вдовы Франка Татьяны Сергеевны Франк на радио.

Литература

1. Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Коллекция В. Аллоя. Оп. 1. Ед. хр. 51.
2. Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 4.
3. Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 8.
4. Б. Г. Кризис культуры и судьбы России (2-ая лекция профессора С. Л. Франка) // Эхо. 1928. № 71, 25 марта.
5. *Байсвенгер М.* «Еретик» среди «еретиков»: Л. П. Карсавин и евразийство // Лев Платонович Карсавин / под ред. С. С. Хоружего и Ю. Б. Мелих. М.: РОССПЭН, 2012.
6. Братство святой Софии. Материалы и документы 1923–1939 / Ред. Н. А. Струве, М.; Париж: Русский путь; УМСА-Press, 2000.
7. *Ванеев А.А.* Два года в Абези. В память о Л. П. Карсавине. Брюссель: Жизнь с Богом, 1990.

8. Гапоненков А.А. Эпистолярный диалог С. Л. Франка и Н. А. Бердяева (1923–1947) // Вопросы философии. 2014. № 2.
9. Евлампиев И.И. Два полюса восприятия Николая Кузанского в русской философии (С. Франк и Л. Карсавин) // Вопросы философии. 2010. № 5.
10. Из переписки С. Л. Франка и Н. А. Бердяева (1923–1926) / Публ. А. А. Гапоненкова // Вопросы философии. 2014. № 2.
11. Карсавин Л. С. Л. Франк. «Введение в философию». 2-е испр. изд. Берлин: Обелиск, 1923. 136 с. // Русская книга за границей. 1924. № 1.
12. Карсавин Л. С. Л. Франк. «Очерк методологии общественных наук», Книгоиздательство «Берег». Москва, 1922, 124 стр. // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 1922. № 2.
13. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: Комплект, 1993. С. 329.
14. Кецкало Н.М. Философы «Серебряного века» о роли личности в истории (Л. П. Карсавин, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк) // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2008. № 1.
15. Клементьев А.К. Педагогическая и общественно-церковная деятельность Л. П. Карсавина в годы жизни в Германии и Франции (1922–1926) // Исторические записки. 2008. № 11.
16. Клементьев А., Клементьева С. Марина Ивановна Цветаева и семья Карсавиных // Вестник РХД. 1992. № 165.
17. К-н Е. К вопросу о русской духовной академии // Руль. № 1218. 4 декабря 1924.
18. Ковтун А. Русский мир Каунаса // Darbai ir dienos. 2003. № 34.
19. Кузнецова А. «Лес идей»: Цветаева и Карсавин (о выставке в Кламаре) // Вестник Русского христианского движения. 2017. № 208.
20. Ласинская П. Лев Карсавин. Универсальная личность в контекстах европейской культуры. М.: Издательство Ипполитова, 2011.
21. Лосский Б. Еще о С. Л. Франке (Что вспоминается младшему современнику о нем и его семье) // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Статьи, публикации, мемуары и эссе. Иерусалим, 1994. Т. 3: 1939–1966.
22. «Любовь нужна пламенная...». Материалы к истории Братства Св. Софии: письма Н. С. Трубецкого и прот. С. Булгакова // Вестник Православного Свято-Троицкого Гуманитарного университета. I: Богословие. Философия. 2008. Вып. 1(21).
23. Мелих Ю.Б., Хоружий С.С. Эмигрантский период в творчестве Л. П. Карсавина // Русское зарубежье: история и современность: Сб. ст. / Ред. Ю. В. Мухачев и др. М.: ИНИОН РАН, 2013.
24. Мелих Ю.Б., Хоружий С.С. Философия Карсавина в Серебряном веке и в наши дни // Вопросы философии. 2013. № 4.
25. Назмутдинов Б.В. Эволюция политических взглядов П. П. Сувчинского и евразийство 1920-х годов // Философские науки. 2017. № 11.
26. Оболевич Т. Семен Франк. Штрихи к портрету философа. М.: ББИ, 2017.
27. Очерк творческих материалов из фонда А. А. Франковского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год / Ред. Т. С. Царькова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017.
28. Переписка ранних евразийцев / Публ. А. Е. Климова и М. Байссвенгера // Записки русской академической группы в США. 2011–2012. Вып. 37.
29. Письмо В. Креве-Мицкявичуса к Л. П. Карсавину от 21 ноября 1927 г. // Архив Л. П. Карсавина. Вып. I: Семейная корреспонденция. Неопубликованные труды / Сост. П. И. Ивинский. Вильнюс: Vilniaus universiteto leidykla, 2002.

30. Письмо Г. Струве к Т. С. Франк от 27 февраля 1957 г. // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book & Manuscript Library. Columbia University, New York. S. L. Frank Papers. Box 3: Struve, Gleb Petrovich.
31. Письмо И. А. Ильина к П. Б. Струве от 18 июня 1923 г. // Вестник РХСД. 1995. № 171.
32. Письмо М. Л. Сувчинской к Т. С. Франк от 12 апреля 1956 г. // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book & Manuscript Library. Columbia University, New York. S. L. Frank Papers. Box 8: Mariana Suvchinskaja.
33. Письмо М. Л. Сувчинской к Т. С. Франк от 22 июня 1956 г. // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book & Manuscript Library. Columbia University, New York. S. L. Frank Papers. Box 8.
34. Письмо митр. Вениамина (Федченко) к С. Л. Франку от 8/21 августа 1926 г. // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book & Manuscript Library. Columbia University, New York. S. L. Frank Papers. Box 6: Fedchenko, Metropolitan Veniamin.
35. Письмо Н. А. Бердяева к П. Б. Струве от 5 декабря 1922 г. // Колеров М. Изнутри. Письма Бердяева, Булгакова, Новгородцева и Франка к Струве. Переписка Франка и Струве (1898–1905/1921–1925). М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2018.
36. Письмо Н. А. Струве к Т. С. Франк от 30 июня 1967 г. // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book & Manuscript Library. Columbia University, New York. S. L. Frank Papers. Box 8: Nikita Alekseevich Struve.
37. Письмо Н. С. Трубецкого к П. П. Сувчинскому от 19 октября 1925 г. // Глебов С. Евразийство между империей и модерном: История в документах. М.: Новое издательство, 2009.
38. Письмо П. Н. Савицкого к С. Л. Франку от 12/25 августа 1925 г. // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York. S. L. Frank Papers. Box 2: Savitskii, Petr Nikolaevich, 1.
39. Письмо П. П. Сувчинского к С. Л. Франку от 30 июля 1926 г. // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book & Manuscript Library. Columbia University, New York. S.L. Frank Papers. Box 3: Suvchinskii, Petr Petrovich.
40. Письмо С. Л. Франка к П. Б. Струве от 16 сентября 1927 г. // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book & Manuscript Library. Columbia University, New York. S. L. Frank Papers. Box 3: Struve, Petr Bergardovich.
41. Письмо Т. С. Франк к Г. П. Струве от 19 марта 1957 г. // Hoover Institution Archive, Stanford University. Gleb Struve Papers. Box 29. Folder 1.
42. Письмо Т. С. Франк к Г. П. Струве от 27 декабря 1969 г. // Hoover Institution Archive, Stanford University. Gleb Struve Papers. Box 29. Folder 2.
43. Проблемы русского религиозного сознания. Берлин: YMCA-Press, 1924.
44. Протокол допроса арестованного Карсавина Льва Платоновича. 12 июля 1949 года // Русофил: русская философия, история и культура: сб. научн. тр. / Ред. И. О. Дементьев. Калининград: Смартбукс, 2017.

45. Протокол допроса обвиняемого Карсавина Льва Платоновича. 8 августа 1949 года // L. Karsavino baudžiamoji byla. Lietuvos upatingasis archyvas.
46. Протокол допроса обвиняемого Карсавина Льва Платоновича. 18 августа 1949 года // L. Karsavino baudžiamoji byla. Lietuvos upatingasis archyvas.
47. *Резниченко А.И.* Русская европейская vs. европейская русская философия: к определению границ // Русский логос: горизонты осмысления. Материалы международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2017 г. В 2 т. Т. 1. СПб.: Интерсоцис, Изд-во РХГА, 2017.
48. Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ, Российский Архив, 1994.
49. Рукописный отдел Пушкинского Дома. Р I. Оп. 12. № 713.
50. София. Проблемы русской духовной культуры и религиозной философии / Ред. Н. А. Бердяев при ближайшем участии Л. П. Карсавина и С. Л. Франка. Берлин: Обелиск, 1923. Вып. 1.
51. *Франк В.* Русский мальчик в Берлине // Волга. 1998. № 19.
52. *Франк С.Л.* О природе душевной жизни // По ту сторону правого и левого: Сб. статей / Под ред. и с предисл. В. С. Франка. Paris: YMCA-Press, 1972.
53. *Франк С.* Основы марксизма. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1926.
54. *Франк С.* Религия и наука. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925.
55. *Франк С.* Собственность и социализм // Евразийский Временник. 1926. Кн. 5.
56. *Франк С.Л.* Сущность и ведущие мотивы русской философии // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996.
57. *Цветаева М.* Письма к Анне Тесковой 1922–1939. М.: Русский путь, 2009.
58. *Цветаева М.* Письма 1933–1936. М.: Эллис Лак, 2016.
59. *Шаронов В.* «Корсов – Корсавин – Карсавин...» // Русофил: русская философия, история и культура: Сборник научных трудов / Ред. И. О. Дементьев. Калининград: Смартбукс, 2017.
60. *Шаронов В.* «Я стремился к синтезу материализма и идеализма...». О некоторых обстоятельствах ареста и тюремного заключения Льва Платоновича Карсавина // Русофил: русская философия, история и культура: Сборник научных трудов / Ред. И. О. Дементьев. Калининград: Смартбукс, 2017.
61. *Шмаков В.В.* Проблема взаимосвязи Церкви и личности в философии Л. П. Карсавина и С. Л. Франка // Христианское чтение. 2018. № 4.
62. *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет (1911–1928). Париж: Синтаксис, 1991.
63. Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918–1941 / Eds. K. Schlögel et al. Berlin: Akademie Verlag, 1999.
64. *Hauchard C. L. P.* Karsavin et le mouvement eurasien // Revue des études slaves. 1996. № 68/3.
65. *Obolevich T.* Linie rozwoju apofatyizmu w filozofii rosyjskiej XX wieku (Georgij Fłorowski, Siemion Frank i Lew Karsawin) // Przegląd Filozoficzny – Nowa Seria. 2011. № 1.
66. *Rubin D.* The Life and Thought of Lev Karsavin: “Strength Made Perfect in Weakness...” (On the Boundary of Two Worlds: Identity, Freedom, and Moral Imagination in the Baltics). Amsterdam; New York: Rodopi, 2013.

Obolevich, Teresa. *In the shadow of Eurasianism. Lev Karsavin and Semyon Frank*

References

1. *Arkhiv Doma russkogo zarubezhya im. A. Solzhenitsyna* [Archive of the House of Russian Abroad named after A. Solzhenitsyn], collection of V. Alloy, inventory 1, storage unit 51.
2. *Arkhiv Doma russkogo zarubezhya im. A. Solzhenitsyna* [Archive of the House of Russian Abroad named after A. Solzhenitsyn], fund 4, inventory 1, storage unit 4.
3. *Arkhiv Doma russkogo zarubezhya im. A. Solzhenitsyna* [Archive of the House of Russian Abroad named after A. Solzhenitsyn], fund 4, inventory 1, storage unit 8.
4. B., G. *Krizis kul'tury i sud'by Rossii (2-ya leksiya professora S. L. Franka)* [The crisis of culture and the fates of Russia (2nd lecture by Professor S. L. Frank)], in *Ekho* [Echo], 1928, No. 71, March 25.
5. Beisswenger, M. “Yeretik” sredi “yeretikov”: L. P. Karsavin i yevraziystvo [A “heretic” among the “heretics”: L. P. Karsavin and Eurasianism], in *Lev Platonovich Karsavin* [Lev Platonovich Karsavin], eds. S. S. Horuzhy, Yu. B. Melikh, Moscow: ROSSPEN, 2012.
6. *Bratstvo svyatoy Sofii. Materialy i dokumenty 1923–1939* [The brotherhood of St. Sophia. Materials and documents 1923–1939], ed. N. A. Struve, Moscow; Paris: Russkiy put', YMCA-Press, 2000.
7. Vaneev, A.A. *Dva goda v Abezi. V pamyat' o L. P. Karsavine* [Two years in Abez. In memory of L. P. Karsavin], Brussels: Zhizn' s Bogom, 1990.
8. Gaponenkov, A.A. *Epistolarnyy dialog S. L. Franka i N. A. Berdyaeva (1923–1947)* [Epistolary dialogue of S. L. Frank and N. A. Berdyaev (1923–1947)], in *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2014, No. 2.
9. Yevlampiev, I.I. *Dva polyusa vospriyatiya Nikolaya Kuzanskogo v russkoy filosofii (S. Frank i L. Karsavin)* [Two poles of perception of Nicolaus Cusanus in Russian philosophy (S. Frank and L. Karsavin)], in *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2010, No. 5.
10. *Iz perepiski S. L. Franka i N. A. Berdyaeva (1923–1926)* [From the correspondence of S. L. Frank and N. A. Berdyaev (1923–1926)], in *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2014, No. 2.
11. Karsavin, L. S. L. Frank. “Vvedenie v filosofiyu”. 2-e ispr. izd. Berlin: Obelisk, 1923. 136 s. [S. L. Frank. “Introduction to philosophy”. 2nd rev. ed. Berlin: Obelisk, 1923. 136 p.], in *Russkaya kniga za granitsey* [Russian book abroad], 1924, No. 1.
12. Karsavin, L. S. L. Frank. “Ocherk metodologii obshchestvennykh nauk”, Knigoizdatel'stvo “Bereg”. Moskva, 1922, 124 str. [S. L. Frank. “Essay on the methodology of social sciences”, Publishing House “Bereg”. Moscow, 1922, 124 p.], in *Mysl': Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva* [Thought: Journal of the Petersburg Philosophical Society], 1922, No. 2.
13. Karsavin, L.P. *Filosofiya istorii* [Philosophy of history], St. Petersburg: Komplekt, 1993.
14. Ketskalo, N.M. *Filosofy “Serebryanogo veka” o roli lichnosti v istorii (L. P. Karsavin, S. N. Bulgakov, N. A. Berdyaev, S. L. Frank)* [“Silver Age” philosophers on the role of the individual in history (L. P. Karsavin, S. N. Bulgakov, N. A. Berdyaev, S. L. Frank)], in *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Murmansk State Technical University], 2008, No. 1.

15. Klementyev, A.K. Pedagogicheskaya i obshchestvenno-tserkovnaya deyatel'nost' L. P. Karsavina v gody zhizni v Germanii i Frantsii (1922–1926) [The pedagogical and social-church activities of L. P. Karsavin in the years of his life in Germany and France (1922–1926)], in *Istoricheskie zapiski* [Historical notes], 2008, No. 11.
16. Klementyev, A., Klementyeva, S. Marina Ivanovna Tsvetaeva i semya Karsavinykh [Marina Ivanovna Tsvetaeva and the Karsavins family], in *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniya* [Bulletin of the Russian Christian movement], 1992, No. 165.
17. K-n, E. K voprosu o russkoy dukhovnoy akademii [On the question of the Russian Theological Academy], in *Rul'* [Rul'], No. 1218, December 4, 1924.
18. Kovtun, A. Russkiy mir Kaunasa [The Russian diaspora in Kaunas], in *Darbai ir dienos*, 2003, No. 34.
19. Kuznetsova, A. “Les idey”: Tsvetaeva i Karsavin (o vystavke v Klamare) [“Forest of ideas”: Tsvetaeva and Karsavin (about the exhibition in Clamart)], in *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniya* [Bulletin of the Russian Christian movement], 2017, No. 208.
20. Lasinskas, P. *Lev Karsavin. Universal'naya lichnost' v kontekstakh yevropeyskoy kul'tury* [Lev Karsavin. Universal personality in the contexts of European culture], Moscow: Ippolitov Publishing House, 2011.
21. Lossky, B. Eshche o S. L. Franke (Chto vspominaetsya mladshemu sovremenniku o nem i ego semye) [Once more about S. L. Frank (What a younger contemporary can remember about him and his family)], in *Yevrei v kul'ture Russkogo Zarubezhya. Statyi, publikatsii, memuary i esse* [Jews in the culture of the Russian diaspora. Articles, publications, memoirs and essays], Jerusalem, 1994, vol. 3: 1939–1966.
22. “Lyubov' nuzhna plamennaya...”. Materialy k istorii Bratstva Sv. Sofii: pis'ma N. S. Trubetskogo i prot. S. Bulgakova [“Ardent love is needed...”. Materials on the history of the Brotherhood of St. Sophia: letters of N. S. Trubetskoy and protoiereus S. Bulgakov], in *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Troitskogo Gumanitarnogo universiteta. I: Bogoslovie. Filosofiya* [Bulletin of the Orthodox Holy Trinity Humanitarian University. I: Theology. Philosophy], 2008, Vo. 1(21).
23. Melikh, Yu.B., Horuzhy, S.S. Emigrantskiy period v tvorchestve L. P. Karsavina [The emigrant period in the work of L. P. Karsavin], in *Russkoe zarubezhye: istoriya i sovremennost'* [Russian diaspora: history and modern times], Moscow: ISSS RAS, 2013.
24. Melikh, Yu.B., Horuzhy, S.S. Filosofiya Karsavina v Serebryanom veke i v nashi dni [Philosophy of Karsavin in the Silver Age and today], in *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2013, No. 4.
25. Nazmutdinov, B.V. Evolyutsiya politicheskikh vzglyadov P. P. Suvchinskogo i yevraziystvo 1920-kh godov [Evolution of P. P. Suvchinsky's political views and Eurasianism of the 1920s], in *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2017, No. 11.
26. Obolevich, T. *Semyon Frank. Shtrikhi k portretu filosofa* [Semyon Frank. Details to the portrait of the philosopher], Moscow: BBI, 2017.
27. Oчерk tvorcheskikh materialov iz fonda A. A. Frankovskogo [Description of the creative materials from the collection of A. A. Frankovsky], in *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2016 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2016], St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2017.

28. Perepiska rannikh yevraziytsev [Correspondence of early Eurasians], in *Zapiski russkoy akademicheskoy gruppy v SShA* [Notes of the Russian academic group in the United States], 2011–2012, No. 37.
29. Pis'mo V. Kreve-Mitskyavichusa k L. P. Karsavinu ot 21 noyabrya 1927 g. [Letter from V. Kreve-Mitskyavichus to L. P. Karsavin, November 21, 1927], in *Arkhiv L. P. Karsavina. Vyp. I: Semeynaya korrespondentsiya. Neopublikovannye trudy* [Archive of L. P. Karsavin. Issue I: Family correspondence. Unpublished works], Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2002.
30. Pis'mo G. Struve k T. S. Frank ot 27 fevralya 1957 g. [Letter from G. Struve to T. S. Frank, February 27, 1957], in *Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture*, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers, Box 3: Struve, Gleb Petrovich.
31. Pis'mo I. A. Ilyina k P. B. Struve ot 18 iyunya 1923 g. [Letter from I. A. Ilyin to P. B. Struve, June 18, 1923], in *Vestnik Russkogok hristianskogo dvizheniya* [Bulletin of the Russian Christian movement], 1995, No. 171.
32. Pis'mo M. L. Suvchinskoy k T. S. Frank ot 12 aprelya 1956 g. [Letter from M. L. Suvchinskaya to T. S. Frank, April 12, 1956], in *Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture*, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers, Box 8: Mariana Suvchinskaia.
33. Pis'mo M. L. Suvchinskoy k T. S. Frank ot 22 iyunya 1956 g. [Letter from M. L. Suvchinskaya to T. S. Frank, June 22, 1956], in *Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture*, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers, Box 8.
34. Pis'mo mitr. Veniamina (Fedchenko) k S. L. Franku ot 8/21 avgusta 1926 g. [Letter from Metropolitan Benjamin (Fedchenko) to S. L. Frank, August 8/21, 1926], in *Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture*, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers, Box 6: Fedchenko, Metropolitan Veniamin.
35. Pis'mo N. A. Berdyayeva k P. B. Struve ot 5 dekabrya 1922 g. [Letter from N. A. Berdyayev to P. B. Struve, December 5, 1922], in Kolerov, M. *Iznutri. Pis'ma Berdyayeva, Bulgakova, Novgorodtseva i Franka k Struve. Perepiska Franka i Struve (1898–1905/1921–1925)* [From the inside. Letters from Berdyayev, Bulgakov, Novgorodtsev and Frank to Struve. Correspondence between Frank and Struve (1898–1905 / 1921–1925)], Moscow: Izdanie knizhnogo magazina “Tsiolkovskiy”, 2018.
36. Pis'mo N. A. Struve k T. S. Frank ot 30 iyunya 1967 g. [Letter from N. A. Struve to T. S. Frank, June 30, 1967], in *Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture*, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers, Box 8: Nikita Alekseevich Struve.
37. Pis'mo N. S. Trubetskogo k P. P. Suvchinskому ot 19 oktyabrya 1925 g. [Letter from N. S. Trubetskoy to P. P. Suvchinsky, October 19, 1925], in Glebov, S. *Yevraziystvo mezhdru imperiy i modernom: Istoriya v dokumentakh* [Eurasianism between the Empire and the Modern: History in documents], Moscow: Novoe izdatelstvo, 2009.
38. Pis'mo P. N. Savitskogo k S. L. Franku ot 12/25 avgusta 1925 g. [Letter from P. N. Savitsky to S. L. Frank, August 12/25, 1925], in *Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture*, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers, Box 2: Savitskii, Petr Nikolaeovich, 1.

39. Pis'mo P. P. Suvchinskogo k S. L. Franku ot 30 iyulya 1926 g. [Letter from P. P. Suvchinsky to S. L. Frank, July 30, 1926], in *Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture*, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers, Box 3: Suvchinskii, Petr Petrovich.
40. Pis'mo S. L. Franka k P. B. Struve ot 16 sentyabrya 1927 g. [Letter from S. L. Frank to P. B. Struve, September 16, 1927], in *Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture*, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers, Box 3: Struve, Petr Bergardovich.
41. Pis'mo T. S. Frank k G. P. Struve ot 19 marta 1957 g. [Letter from T. S. Frank to G. P. Struve, March 19, 1957], in *Hoover Institution Archive, Stanford University*. Gleb Struve Papers. Box 29. Folder 1.
42. Pis'mo T.S. Frank k G.P. Struve ot 27 dekabrya 1969 g. [Letter T.S. Frank to G.P. Struve, December 27, 1969] in *Hoover Institution Archive, Stanford University*, Gleb Struve Papers, Box 29, Folder 2.
43. *Problemy russkogo religioznogo soznaniya* [Problems of Russian religious consciousness], Berlin: YMCA-Press, 1924.
44. Protokol doprosa arestovannogo Karsavina L'va Platonovicha. 12 iyulya 1949 goda [Record of interrogation of the detainee Lev Platonovich arrested Karsavin. July 12, 1949], in *Rusofil: russkaya filosofiya, istoriya i kul'tura* [Russophile: Russian philosophy, history and culture], Kaliningrad: Smartbuks, 2017.
45. Protokol doprosa obvinyaemogo Karsavina L'va Platonovicha. 8 avgusta 1949 goda [Record of interrogation of the defendant Lev Platonovich Karsavin. August 8, 1949], in *L. Karsavino baudžiamoji byla. Lietuvos ypatingasis archyvas*.
46. Protokol doprosa obvinyaemogo Karsavina L'va Platonovicha. 18 avgusta 1949 goda [Record of interrogation of the defendant Lev Platonovich Karsavin. August 18, 1949], in *L. Karsavino baudžiamoji byla. Lietuvos ypatingasis archyvas*.
47. Reznichenko, A.I. Russkaya yevropeyskaya vs. yevropeyskaya russkaya filosofiya: k opredeleniyu granits [Russian European vs. European Russian philosophy: Determining the borders], in *Russkiy logos: gorizonty osmysleniya. Materialy mezhdunarodnoy filosofskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 25–28 sentyabrya 2017 g.* [Russian Logos: horizons of comprehension. Proceedings of the international philosophical conference, St. Petersburg, September 25–28, 2017], in 2 vol., vol. 1, St. Petersburg: Intersotsis, RChHA Publishing House, 2017.
48. *Rossiyskiy arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: Al'manakh* [Russian archive: History of the Fatherland in the memoirs and documents of the 18–20 centuries: Almanac], Moscow: Studiya TRITE, Russian Archive, 1994.
49. *Rukopisnyy otdel Pushkinskogo Doma* [Manuscript Department of the Pushkin House], R I, list 12, No. 713.
50. *Sofiya. Problemy russkoy duhovnoy kul'tury i religioznoy filosofii* [Sofia. Problems of Russian spiritual culture and religious philosophy], eds. N. A. Berdyayev, L. P. Karsavin, S. L. Frank, Berlin: Obelisk, 1923, No. 1.
51. Frank, V. Russkiy mal'chik v Berline [Russian boy in Berlin], in *Volga* [Volga], 1998, No. 19.
52. Frank, S.L. O prirode dushevnoy zhizni [On the nature of psychical life], in *Po tu storonu pravogo i levogo* [On the other side of the right and left], collection of articles, Paris: YMCA-Press, 1972.

53. Frank, S. *Osnovy marksizma* [Fundamentals of Marxism], Berlin: Eurasian Book Publishing, 1926.
54. Frank, S. *Religiya i nauka* [Religion and science], Berlin: Eurasian Book Publishing, 1925.
55. Frank, S. Sobstvennost' i sotsializm [Property and socialism], in *Evrazijskiy vremennik* [Eurasian News], 1926, No. 5.
56. Frank, S.L. Sushchnost' i vedushchie motivy russkoy filosofii [The essence and leading motives of Russian philosophy], in Frank, S.L. *Russkoe mirovozzrenie* [Russian worldview], St. Petersburg: Nauka, 1996.
57. Tsvetaeva, M. *Pis'ma k Anne Teskovoy 1922–1939* [Letters to Anna Teskova 1922–1939], Moscow: Russkiy put', 2009.
58. Tsvetaeva, M. *Pis'ma 1933–1936* [Letters 1933–1936], Moscow: Ellis Lak, 2016.
59. Sharonov, V. “Korsov – Korsavin – Karsavin...” [“Korsov – Korsavin – Karsavin...”], in *Rusofil: russkaya filosofiya, istoriya i kul'tura: Sbornik nauchnykh trudov* [Russophile: Russian philosophy, history and culture: Collection of scientific works], ed. I. O. Dementyev, Kaliningrad: Smartbuks, 2017.
60. Sharonov, V. “Ya stremilsya k sintezu materializma i idealizma...” O nekotorykh obstoyatel'stvakh aresta i tyuremnogo zaklyucheniya L'va Platonovicha Karsavina [“I strove for a synthesis of materialism and idealism ...” On some circumstances of the arrest and imprisonment of Lev Platonovich Karsavin], in *Rusofil: russkaya filosofiya, istoriya i kul'tura: Sbornik nauchnykh trudov* [Russophile: Russian philosophy, history and culture: Collection of scientific works], ed. I. O. Dementyev, Kaliningrad: Smartbuks, 2017.
61. Shmakov, V.V. Problema vzaimosvyazi Tserkvi i lichnosti v filosofii L.P. Karsavina i S. L. Franka [The problem of the relationship between the Church and the individual in the philosophy of L. P. Karsavin and S. L. Frank], in *Khristianskoe chtenie* [Christian reading], 2018, No. 4.
62. Steinberg, A. *Druz'ya moikh rannikh let (1911–1928)* [My early years friends (1911–1928)], Paris: Sintaksis, 1991.
63. *Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918–1941*, eds. K. Schlögel et al., Berlin: Akademie Verlag, 1999.
64. Hauchard, C. L. P. Karsavin et le mouvement eurasiens, in *Revue des études slaves*, 1996, No. 68/3.
65. Obolevich, T. Linie rozwoju apofatyizmu w filozofii rosyjskiej XX wieku (Georgij Flórowski, Siemion Frank i Lew Karsawin), in *Przegląd Filozoficzny – Nowa Seria*, 2011, No.1.
66. Rubin, D. *The Life and Thought of Lev Karsavin: “Strength Made Perfect in Weakness...” (On the Boundary of Two Worlds: Identity, Freedom, and Moral Imagination in the Baltics)*, Amsterdam; New York: Rodopi, 2013.

ПИСЬМА ЛЬВА КАРСАВИНА И ЛИДИИ КАРСАВИНОЙ К СЕМЕНУ И ТАТЬЯНЕ ФРАНК

Публикация и комментарии *Терезы Оболевич*

[Справка] [1]

Письма Льва Платоновича и Лидии Николаевны Карсавиных к Семену Людвиговичу и Т. С. Франк. Карсавины были большими друзьями. Вывоз Льва Платоновича из Вильно в лагерь.

Лев Платонович скончался в лагере. Прилагаю [2], прочитан Т. С. в Радио «Свобода». Из этого скрипта можно вынести впечатление тяжелой судьбы Л. П. Все его друзья пережили это очень тяжело. Жена его скончалась в Литве. Дочери Ирина и Сусанна живут в Литве. Средняя дочь замужем за евразийцем П. П. Сувчинским. Марианна Львовна давно была отрезана от семьи.

1

1926.VIII.5
22, rue de St. Cloud
Clamart (Seine)

Дорогой Семен Людвигович,
Доехали не без тягот и приключений. В ознаменование предстоящего богатства шофер разбил стекло автомобиля и осыпал нас осколками. Кроме сего не оказалось спальных мест, которые были заменены двумя пересадками. Последние мы провели в путешествии от Льежа до Парижа во II классе и в стоячем положении. Зато в Кламаре приехали на готовую квартиру. П.П. [3] снял хоромы – отдельный домик со скромной обстановкой, но хорошим садом [4]. Ворочать же миллиардами не приходится, т[а]к к[а]к Пуанкаре решительно оздоравливает франк [5]. Жить пока приятнее и дешевле. Никого пока еще не видел. Все собираюсь. П.П. писал Вам уже о брошюре – опровержении материализма [6]; и думаю, что Арапов [7] все уже Вам передал. У меня же к Вам ряд просьб.

1. Когда придет время, напомните Бидо, чтобы послал мне на имя жены деньги [8]. Я ему об этом пишу.

2. Вторая просьба требует обсуждения. После того, как я был у Вас, мне пришла в голову следующая, по-моему, не плохая и никого не обижающая комбинация. Я готов приехать в Берлин на вторую половину октября и часть ноября, с тем[,] чтобы прочитать свои не-

мецкие лекции и, если надо[,] и русские. В этом случае, я[,] во всяком случае[,] не хуже выполню обязательства свои по отношению к И[нсти]ту [9], чем Ильин [10]. Лекции же мои можно сгруппировать в сравнительно короткий срок. Так я бы мог по закону и совести сохранить свое содержание до декабря включительно. К сожалению, я по своему обычаю на запросы не отвечал. И право не знаю, на какую тему ораторствовать. М[ожет] б[ыть,] и это можно возложить на Вас. С моей стороны[,] мне представляются три возможные темы. – 1. Geschichte der russischen Kirche [11] или Hauptmomente der russischen Kirchengeschichte [12]. 2. Hauptströmungen der russisch-orthodoxen Theologie [13]. 3. Phänomenologie der Revolution [14]. – Я бы предпочел последнюю тему, т[а]к к[а]к статья мною для евразийцев уже написана [15]. Количество часов предоставляю на благоусмотрение власти имущих. Но для последней темы, во всяком случае, не менее 6. Как-нибудь напишу Вам о своих наблюдениях о Париже. Теперь же его еще не рассмотрел. Дочки [16] нахаивают французов, но проникаются очарованием Парижа. Жена как будто довольна. Горизонты пока вертикальны, т. к. виды на будущее неопределенны. Поклон Татьяне Сергеевне.

Ваш Л. Карсавин

2

Четверг 5/VIII 26
Clamart 22, Rue St. Cloud

Дорогая Татьяна Сергеевна,

уже сидим мы в нашей новой столовой, выходящей в сад. Стол такой длинный, что можно усадить человек 20. Тут у нас целый дом с садом. Правда, часть комнат закрыта, а у нас 4 комнаты (без ванны). Тут с ваннами оч[ень] мало кв[артир], только в новых домах. Очень плохой водопровод, на старинный французский лад. Так что мои девицы взвыли от невозможности удобно вымыться; вообще им оч[ень] не нравится здесь, в Париже, и французы, и быт, и грязь на улицах, в домах и кафе. Только Суся так довольна, бегаёт в саду с утра. Ехали мы по Германии оч[ень] удобно[,] по Бельгии сносно[,] а после французской границы, что-то ужасное, напомнило русское передвижение в эпоху революции. Было даже мучительно. Кроме того, у меня болел зуб! Я не успела в сутолоке переезда сходить починить зуб. Сейчас все тут сидят, трещат страшно и мешают писать. – На вокзале нас встретил Петр Петр[ович] и отвез нас на автомобиле прямо в Кламар. Там было все оч[ень] предусмотрено, вплоть до чаю и сахару и все накрыто на столе. Первый день обедали в ресторане, а на второй, т.е. вчера, был уже открыт мой трактирчик с русскими щами, и обедали Петр Петрович и Владимир Ник[олаевич] Ильин [17].

Сейчас мы уезжаем в Париж – я со своим зубом, и надо сняться для вида на жительство. Сегодня в булочной я встретила Н.А. Бердяева: он был оч[ень] поражен, что мы переехали совсем и, кажется,

не оч[ень] доволен. Других знакомых, кроме семьи Познер [18], еще не видели, и Ира еще встретила свою приятельницу по школе, с кот[орой] она кончала школу.

Пока до свидания, до следующего письма. Переехали ли Вы к Jendrich [19] и нашли ли кастрюльки? Я забыла Левушкин стакан с подстаканником и мою старую вязаную кофту для стряпни.

*Целую крепко, кланяюсь детям и С.Л.
Ваша любящая Вас Л. Карсавина [20]*

3

1926. IX. 19

L. Karsavine

22, rue de St-Cloud Clamart (Seine)

Herr Professor S. Frank
Joachim-Friedrichstrasse, 48^{III}
Gartenhaus
Berlin – Halensee
Allemagne

Дорогой Семен Людвигович,

Заинтересовавший Вас Е. Богданов никто иной, как Федотов [21], т. е. «данный Богом Егор». Теперь, к счастью, он устроился в Дух[овной] Академии и, по-видимому, пора материальных бедствий для него миновала. За письмо Ваше очень Вам благодарен: его несколько дополнил Пьянов [22]. Еще больше благодарен Вам за все Ваши хлопоты, к сожалению, к положительному результату не приведшие. Ибо я остаюсь, как барон Гринвальдус, «все в той же позиции» [23]. Однако, т[а]к к[а]к и милостивое Правление Ваше не лишило меня жалования за сентябрь, я очень прошу Вас напомнить Бидо о высылке его мне в марках. Простите за лишнее беспокойство, но сделайте это при случае. Надеюсь больше Вас не обременять. О статье своей опять писал Клейну [24], но опять безрезультатно. Сижу здесь и размышляю, как бы построить свой бюджет без Дух[овной] Академии. Принципиально обещал им прочесть в этом году эллин[низм] – схоласт[ику] – Возрождение и в будущем – Обличит[ельное] Богословие. Но сказал, что окончательный ответ дам в начале октября. Заветное мое желание совсем уклониться, но – «оженившийся печется о мирском – како угодить женам» [25] и боюсь, что придется пойти по дороге христианского аскетизма, т. е. что иначе денег не хватит. Новостей здесь особенных нет. Пока никого почти не видел; да еще и не съехались. Ищем квартиру [26]. Старшие дочери бранят Париж, младшая явно одобряет Берлин, а жене здесь спокойнее и лучше. Она Вам и Татьяне Сергеевне очень кланяется, я тоже. Надеюсь недели через две с Вами увидеться. Бердяев уже мечтает о философских собраниях, а я измышляю способы самым деликатным образом от них уклониться. Надоело все это беспредметное философствование, но все

еще нет голоса: «иди в пустыню» [27]. Как Ваши дела и будете ли и в этом году путешествовать от Канта? [28] П.П. пока в отъезде – в Австрии, возвращается на днях [29].

Ваш Л. Карсавин

4

11-bis rue de St Cloud Villa Grossin
Clamart (Seine)
1926.X.1

Дорогой Семен Людвигович,

Большое спасибо Вам за хлопоты о деньгах, которые сегодня получил. Одновременно получил от Клейна конец моей рукописи [30]. Если это не поздно и вообще имеет смысл, то вышло ее Вам в готовом виде дней через 5, хочу еще проверить. П. П. деньги Вам в счет гонорара вообще послал. Теперь насчет Вашей оговорки. – Участие в Евразийском Временнике не инвольвирует и не означает принадлежности автора к евразийству. Так, не евразийцы Сеземан [31] и Бицилли [32], хотя они в сборниках участвовали, как и Карташев [33], к[о]т[оры]й тоже дал статью для «Россия и Латинство» и разрешил перепечатку своей «Реформы» [34] во II Временнике. В предстоящем V Временн[ике] предполагаются, кроме Вашей [35] и собственно евразийских статей, еще статьи Ауэрбаха [36] (*не евразийца*) о *работе* *вопросе* [37], Н. Н. Алексеева о «Федерации» [38] и Вышеславцева о «Праве» [39]. Для нас важно, что ев[разийст]во, помимо собственных своих задач, вызывает симпатию (симпатию к евразийству участие в евразийском издательстве, конечно, предполагает) и является некоторым группирующим началом. Если теперь оговорить Вашу статью и не оговорить трех других инославных, то получится скандал и весьма справедливый. Значит, надо оговаривать всех. Но в этом случае получается комическое и невыгодное для ев[разий]цев впечатление, и пропадают все преимущества участия сочувствующих. Поэтому очень и очень прошу Вас – откажитесь от Вашей ультимативности и не настаивайте на печатании оговорки. Напечатали Вы две брошюры у евразийцев, напечатаете третью [40], и никто Вас не считал и не будет считать по этой причине евразийцем, к[а]к не будет считать евразийцем никто и Алексеева [41], к[оторы]й тоже взялся за брошюру [42]. Равным образом и напечатание статьи во Временнике за собою не влечет признания ч[елове]ка евразийцем, тем более, что в V Врем[еннике] на 4–5 «евразийских статей» придется вместе с Вашей 4 «не-евразийских». Должен еще прибавить, что до Врем[енника] выйдет моя брошюра о «Евразийстве» [43]. Ее, разумеется, все будут ругательно ругать, но Вы увидите из нее, что очень многое изменилось и что евразийскому кустарничеству приходит конец. «Иностранцы» его своим участием изводить помогают. Мне кажется, что приведенные мною доводы достаточны для разъяснения недоумений, п[отому] ч[то] считаю Вашу осторожность недоразумением. Очень на-

деюсь, что Вы в данном случае жесткость не проявите. Наконец, в самом крайнем случае, я думаю можно сделать так, чтобы из Вашего изложения явствовалась Ваша независимость. Тогда для этого нужно лишь одной-двумя фразами придать соответствующий турнюр или хотя бы прямо по поводу чего-нибудь упомянуть о евразийцах, напр., «я думаю, что здесь ев[разий]цы правы (resp. неправы)[»] или что-нибудь подобное. Еще раз надеюсь на Ваше согласие.

Относительно Вашего двухстрочного изложения. – Могу его понять в моих схемах и кажется, между нами действительно существенных разногласий нет. Вы м[ожет] б[ыть] только берете проблему более феноменологически, а я метафизически. Но надо думать, что феноменологическая трактовка допускает б[о]льшую доступность изложения для широких кругов.

Жду вашего ответа и насчет окончательного Вашего согласия и насчет моей рукописи (нужна ли? надо ли ее посылать или передать Вам здесь через 2 недели). План переселения одобряю. Пишу же только что переехав и поэтому в условиях даже для меня неудобных. Поклон Татьяне Сергеевне. Все кланяются ей и Вам.

Ваш Л. Карсавин

5

7/XII 28 [44] Clamart
25/XII/27

Дорогая Татьяна Сергеевна,

Пишу Вам в день Рождества Христова. Поздравляю Вас и всех Ваших с праздником и с Новым Годом... Главное здоровья и бодрости – чего нам так часто недостает!

Я оч[ень] виновата, что не поблагодарила Вас за присланные с Пьяновыми вещами [45]. Черное платье мне оч[ень] подошло и служит мне по воскресеньям в наряд, а иногда и в будни, когда надо принарядиться. Очень Вас благодарю. Синее <неразб.> пока лежит, т.к. требует некот[орой] переделки. Я теперь занята отъездом Л[ьва] Пл[атоновича]. Он скоро будет у Вас [46] в Берлине и расскажет Вам о нашем житье-бытье. Впрочем, он не мастер рассказ[ывать] о быте, и вот мое письмо будет дополнением. Пьяновым не оч[ень]-то нравится здесь, да и то сказать, не знаю, почему – но домашний быт здесь труднее берлинского. Кроме того, С. Ал. [47] не оч[ень] знает франц[узский] и первое время я или Марьяша сопровождала их. А ходят они всей толпой с ребятами! И первый наш поход за продуктами был ужасен. Ребята Вы знаете каковы, дисциплины и послушания весьма мало и все вр[емя] цепляются за мать, виснут на ней и вопят! Ей[,] конечно[,] оч[ень] трудно, но все-таки мне не совсем понятно, почему это так. Мы не оч[ень] часто видимся с ними, потому что ежедневное дело оч[ень] держит и меня, и ее. Сегодня у нас елка и воображаю, что это будет! Ребята Пьян[ова] оч[ень] шумные, не знаю, как удастся их немного сдерживать[,] тем более[,] что еще кое-кто будет.

Мне оч[ень] грустно расставаться с Лл[ьвом] Пл[атоновичем] и даже жутко, вообще за последнее вр[емя] ко мне вернулась моя совершенно особая жуть жизни со щемлящим ощущением в сердце. В такое вр[емя] я ужасно плачу в тихомолку какими-то безнадежно старушечьими слезами...

Многое и другое не радует [48] по отношению к детям, все-таки, можно сказать, что вот уже 5 лет живем в Европах, а жизнь не налаживается и никаких целей не достигаем...

Живем мы так же уединенно, как и жили, а теперь с отъездом Лл[ьва] к нам, я думаю, никто и носа не покажет.

Суся у меня хворала целый месяц и еще не выходит. Праздники были грустные и как-то не вышли у нас. Целую Вас крепко. Часто о Вас думаю и всегда помню. Очень жалею, что нельзя повидаться.

Ваша любящая Вас Л.К.

6

1930.I.29

11bis, rue de St Cloud
Clamart (Seine)

Žemuogių gatvė 4^a, Kaunas

Дорогой Семен Людвигович,

Исполняю поручение, данное Вам Сеземану. – Следует список моих «трудов» и статей по философским и богословским вопросам, к[ото]рым сам придаю некоторое значение. Выбирать же из моего отбора уже Ваше дело.

I) Книги и брошюры: 1) Католичество, Петр[оград] 1918, 2) Saligia, ib. 1919, 3) Теория истории, ib. 1920, 4) Noctes Petropolitanae, ib. 1922 (nefas est dicere [49]), 5) Восток, Запад и Русская идея, ib. 1922, 6) Джордано Бруно, Б[ерлин] 1923, 7) Диалоги, ib. 1928, 8) Философия истории, ib. 1923, 9) О началах, ib. 1926, 10) Св. Отцы и учителя Церкви, Paris, 1927, 11) Церковь, личность и государство, ib. 1927, 12) Περί αρχών (Ideen zur christlichen Metaphysic), Kaunas, 1928, 13) О личности, ib. 1929.

II Статьи: 1) О свободе (Мысль № 1, П. 1922), 2) О добре и зле, ib. № 3, 3) La cristianita ortodossa e la rivoluzione russa в Studi sulla questione religiosa in Russia, Roma 1923, 4) Уроки отреченной веры – Евраз[ийский] Временник, кн. 4, Берлин 1925, 5) Der Geist des russischen Christentums, в Oestl[iches] Christentums, В. II, 1925, 6) Der russische geschichtsphilosophische Gedanke, в «Ethos» Н. 2, 1925, 7) Der Christusglaube in der russischen Orthodoxie, в «Una sancta», 1926, 8) Das Starzentum in der russischen Kirche – Zeitwende, 1927, №№ 5–6, 9) Феноменология Революции – Евр[азийский] Врем[енник], кн. 5, Paris 1927 и 10) Основы политики, ib.

Давно Вас не видал, но всегда проскакиваю через Берлин без остановки: по дороге в Париж спешу к своим, по дороге в Ковно связан сроком [?] своего экзамена. Впрочем, несколько о Вас наслышан от

Вас[илия] Эмил[ьевича] [50] и других, знаю также, что Вы принадлежите к авторам, не посылающим своих произведений, за что при ближайшей же оказии отомщу тем же. Тем не менее[,] желаю Вам счастливого путешествия в Сербию [51] и увеличения доходов. Жена очень кланяется и Вам, и Татьяне Сергеевне. У нас теперь Марьяша работает в Maison de couture [52]: рисует какие-то модели, Сусанка по-прежнему ходит в школу, а Ирина изучает в Сорбонне английскую филологию. Женихов не видать, а невесты кланяются. Жена же по обычаю неутомимо работает. Я же в Ковне пью водку, а здесь изучаю французские вина, о к[оторы]х собираюсь написать лирическое произведение. Вместе с огорчившим, конечно, Вас падением ев[разийс]тва материальные мои возможности умалились, но основной литовский доход, к счастью, сохраняется и я, по-прежнему, уповаю на Бога, к[оторы]й и грешников милует, а праведников-то, во всяком случае, не оставляет. В Париже никого почти не выдаю, ниже [53] Бердяева, хотя и соседа. Он, м[ожет] б[ыть,] и обижается, что я не захожу, а я не могу. Встречаюсь с Койре [54] и Кожевниковым [55] и, конечно, с Сувчинским, в семейной жизни своей вернувшимся на стезю так называемой добродетели и занявшимся лечением своих недугов (нефрита). Он ушел от общественно-политической жизни и оставил на распутье своих дельфинов, т. е. Адлера [56], нео-Маркса и Милю Литаяуэра [57], к[отора]я лишь время от времени приходит, хватает книжку стихов Клоделя [58] и вопит, что Клодель не марксист. Хотя непонятно, зачем Клодель должен быть марксистом. Надо Вам хотя бы задним числом сказать, что марксизации ев[разийс]тва я не сочувствовал и отвечаю за то, что мною подписано, а не за то, что мною надписано. Однако все это tempi trapassati [59]; и в ближайшее время надо ждать расцвета Савицкого. Не теряю надежды увидеться с Вами. Еще раз кланяюсь и Вам, и всем Вашим.

Ваш Л. Карсавин

7

1933.IX.10
Aguonų g-vę 4^a

Дорогой Семен Людвигович,

Весьма мне грустно, что не вижу способов придти Вам на помощь. У нас здесь режим экономии. Поэтому невозможно протолкнуть иностранца (тем более, что экономия у нас – национальная) в Ун[иверсите]т хотя бы и на временное амплуа. Мне не удалось даже осуществить более скромный проэкт – поручить Вам написать учебник древней или новой философии для Ун[иверсите]та, т[а]к к[а]к ассигновки на печатание и гонорары страшно сокращены, а претендентов очень много. Эту мысль я, впрочем, не считаю еще совсем похороненной и, по-моему, она одна только и реальна. Относительно социологического института или как он там называется я уже весной говорил с Тамошайтисом [60] (Вас не спрашивая, т[а]к к[а]к Вы всегда можете отказаться и не хотеть писать о

неважном). Выяснилось, что денег у Ин[ститу]та тоже не имеется и он только живет даровым трудом и строит планы. Во всяком случае[,] теперь возобновлю разговоры и по этому вопросу, и по своему проэктору, хотя надежды, мне кажется, и немного. Столпом культуры я, конечно, не стал и отказался даже от более скромной надежды быть Кириллом и Мефодием литовского народа. Влияние же мое весьма ограниченное. Сколь возможно, его использую. Жена и две дочери, как Вы знаете, приехали, третья вышла замуж [61], т[а]к к[а]к гражданские законы вносят коррективы в Божественные. Но (относится к первой части предыдущей фразы) Ириша в конце месяца опять едет в Париж лечиться [62], а всем троим пока что скучновато. Душевная моя жизнь подобна утлому челну на волнах бушующего океана, внешняя спокойна и удобна, а умственная сосредоточена на истории европейской культуры [63], рассчитанной на большое количество томов и включающей *omnia scibilia* [64] и даже больше. Очень доволен, что по языку своему она доступна только избранным из среды юного литовского народа. Впрочем, год тому назад разрешился философическим трудом по-русски, надо полагать, последним [65]. Мы собирались его послать и Вам, и другим, но препятствует моя абулия [66]. М[ожет] б[ы]ть[,] удастся ее обмануть и выслать вместе с этим письмом или на день позже (видите, опять она уже лукавит). Жена очень расстроена и обеспокоена судьбами Вас и Вашей семьи. Очень Вам и Татьяне Сергеевне кланяется, конечно – и я. Если что-нибудь удастся, будьте уверены, что я напишу сейчас же. Вас[илий] Эмил[ьевич] [50] что-то безнадежно тут напутал Вам, осведомляя, но это, разумеется, для дела неважно, тем более, что скоро его надеюсь увидеть. Приятности (это ирония) Вашего бытия очень хорошо себе представляю. Жалею, что Алеша [67] приехал в Париж после моего отъезда, так я его и не видал; только много от своих о нем слышал. Жена удивляется его чувствительности и деликатности. Слышал стороной и о Вите, но меньше всего – о Вас и Татьяне Сергеевне. Поэтому рад был получить от Вас письмо, тем более, что сам[,] не любя писать[,] писем почти не получаю. Только постоянно присылают какие-то резолюции и протоколы из Общества Рериха, ибо это общество ошибочно считает меня своим соучастником. Вот бы у кого надо учиться всем русским и даже евреям устраивать свои дела и находить деньги! Еще раз кланяюсь Татьяне Сергеевне, всем вашим и постараюсь сделать все, что находится в моей возможности.

Ваш Л. Карсавин

8

1934.I.4

Aguonç g-ve 4^a

Дорогая Татьяна Сергеевна,

Отвечаю на Ваше письмо с опозданием не по небрежности, а потому[,] что все время искал денег и различных способов их достать. Сам я сейчас свободно суммой не располагаю, т[а]к к[а]к все уходит на Иришкино житье и леченье и на Сусанкино ученье. Жалованья на

это не хватает, но выручил гонорар. Т[а]к что могу только занять или как-нибудь иначе достать денег. Именно занять мне пока не удастся, но теперь, не говоря жене, хочу организовать какую-нибудь лекцию с благотворительной целью в пользу гимназии или чего-нибудь другого, но так, чтобы можно было часть дохода отписать в мое распоряжение на бессрочную ссуду Вам [68]. Конечно, о назначении лекций знать будут только самые близкие люди. Мне кажется, что этот проект может удасться. Раньше я говорил с Тамошайтисом о том, чтобы пригласить Сем[ена] Людвиговича на лекцию. [Но?] Тамошайтис пообещал, а потом из-за недостатка средств отказался. Со своим проектом надеюсь на более верный успех, т[а]к к[а]к вообще публичных лекций по возможности избегаю. Очень досадно, что сам действительно не могу ничего сейчас выслать и поневоле замедляю дело, а деньги Вам, видно, сейчас уже нужны. Постараюсь сделать все возможно скорее.

Жена Вам и Семену Людвиговичу очень кланяется. Она и здесь весь день занята[,] только не хозяйством, а Сусанниным ученьем [69]. Иришка пишет, что доктор обещал вылечить ее к Пасхе и пока что, видимо, поправляется. Встречается с Алешей, т[а]к что и о нем имеем сведения. Я работаю, но старею и стал больше утомляться. Очень кланяюсь Семену Людвиговичу.

Искренне Вас уважающий и любящий
Л. Карсавин

Памяти Льва Платоновича Карсавина [70]

12-ого июля сего года исполнилось десять лет со дня смерти Льва Платоновича Карсавина. Родился он в Петербурге в 1882-ом году, скончался 72-ух лет в лагере неподалеку от Воркуты за полярным кругом, в лагере, где погибли тысячи и тысячи русских людей. Трудно говорить о человеке объективно, с которым связывала дружба и многие годы соседской жизни в Берлине, где Карсавин жил с семьей после высылки с родины в 1922-ом году.

Не получив профессуры на западе, Лев Платонович принужден был принять кафедру в Каунасском университете, где и работал до 1940-ого года. Позднее был переведен в Вильну, где в 1948 году был арестован НКВД и увезен в неизвестном направлении, и заочно был приговорен московским судом к принудительным работам на десять лет в концлагерях севера.

Как о философе и историке о Карсавине будут писать ученые и исследователи, которые уделят ему в истории русской науки соответствующее место, место большого ученого, мистика.

Свою научную карьеру Карсавин начал блестяще в Петербурге и продолжал ее в изгнании. Не буду перечислять его труды – это уже сделано. В одной из его ранних книг *Noctes Petropolitanae* [71], написанной еще в Петербурге, Карсавин высказывает замечательные мысли, определяющие сущность его мистического «Я». Карсавин го-

ворит: «Все бытие человека религиозно, все в нас находится в известном противостоянии Богу и в известном единстве с Ним» [72]. Чувство божественности человека лежит в основании всего замысла *этой* [73] книги, где развивается метафизика любви как тайны тварного бытия. Тут Лев Платонович подходит к раскрытию тайны «Всеединства», *его* [73] основной идеи.

В книге «О началах» Лев Платонович говорит: «Вера – основа знания, наличная в каждом акте его, наличная и в признании чего-либо истинного[»] [74]. Когда наука, продолжает Лев Платонович, «пытается обойтись без веры и найти свои основания, она обнаруживает в глубине своей религиозную веру, ибо основа нашего бытия, нашей жизни, деятельности и нашего знания дана в вере как всецелом причастии к Истине, только верою окончательно можно обосновать знание» [75]. Достаточно двух этих небольших выписок из книг Льва Платоновича, чтобы уяснить себе установку *его* [73] в жизни. Попав в необычайно тяжкие условия, он не изменил им, а наоборот[,] воплотил в живую веру и воспитал ими людей, которые встретились с ним на его пути.

В подтверждение этого пользуюсь воспоминаниями одного немца-заключенного, который попал в Лагерь, где жил и умер Лев Платонович, на другой день после смерти его. Он живо и взволнованно передает нам подробности жизни и смерти Льва Платоновича словами очевидцев [76]. Врач, благодаря которому Льву Платоновичу удалось последние годы своей жизни провести в больнице и даже в отдельной комнате [77], рассказывает нам: «Карсавин создал вокруг себя кружок своих учеников, из которых некоторые так прониклись его учением, что после его смерти продолжали его дело. Моральная сила его личности была так велика, что даже лагерное начальство относилось к нему с величайшим почтением[»]. Доктор продолжает: «Одна мысль Карсавина, которую он часто высказывал[,] изменила меня: “Человек движется и при своей жизни, и после смерти бесконечными частицами своего ‘Я’ к Богу”, *говорит Л[ев] П[латонович]* [73], а доктор добавляет: «Мою уверенность, что после смерти мне нечего бояться, Карсавин во мне разрушил. В своей *вере* [79] о слиянии с Богом, Карсавин оставался просветленным и во время своего умирания. Даже после своей смерти он как бы будил в людях то “святое беспокойство”, которое неизбежно приводит к Богу». Автор воспоминаний приводит слова Карсавина, которые его поразили – вот они: «Несмотря на все несовершенство, человеку дана возможность понять истинность бытия только в процессе смерти». Эти слова объяснили автору, почему смерть Карсавина стала примером для многих. Он не только мудро жил, но и мудро умер. Не многим удастся исповедовать свои убеждения так, как судьба заставила Льва Платоновича встать на этот тяжкий [80], но светлый путь, путь мудреца-мученика.

Мы сегодня не только помянем Льва Платоновича, но и преклонимся перед его мужественным и светлым образом [81].

Комментарии

1. Краткая справка, предваряющая письма, составлена, по всей вероятности, Татьяной Сергеевной Франк и написана на машинке. Письма написаны от руки. В публикации сохранены авторские подчеркивания, надписанные фразы выделены курсивом.
2. В тексте пропуск (возможно, должно быть: «текст выступления»).
3. Петр Петрович Сувчинский (1892–1985) – русский философ-евразиец, писатель, публицист, музыкант. Его женой была средняя дочь Л.П. Карсавина Марианна.
4. Карсавины поселились по адресу: Кламар, 22, rue St Cloud, Villa Louis Grossin.
5. В 20-е гг. премьер-министр Франции Раймон Пуанкаре, бывший президент Франции, проводил экономические реформы, в результате которых в 1928 г. новая стоимость франка была приравнена к весу золота, в пять раз меньшему, чем накануне первой мировой войны.
6. Вероятно, речь идет о письме П.П. Сувчинского к С.Л. Франку от 30 июля 1926, в котором Сувчинский писал, что «изложение должно быть, главным образом, направлено на разрушение современных русских материалистических суеверий» (Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, S. L. Frank Papers. Box 3: Suvchinskii, Petr Petrovich). Работа Франка на заданную Сувчинским тему была опубликована только в 1972 г.: *Франк С.Л. О природе душевной жизни // По ту сторону правого и левого: Сб. Статей / Под ред. и с предисл. В. С. Франка. Paris: YMCA-Press, 1972. С. 153–239.*
7. Петр Семенович Арапов (1897–1938) – двоюродный племянник П. Н. Врангеля, офицер Белой гвардии. В эмиграции изучал философию в Берлинском университете, а также в Пражском и Венском университетах. Участник евразийского движения, занимался поиском средств для евразийских публикаций. В 1930 г. получил визу на въезд в СССР на имя Семенова Павла Сергеевича, но после возвращения был сослан в ГУЛАГ и расстрелян.
8. С. Л. Франк выхлопотал для Л. П. Карсавина, читавшего лекции, жалование в размере 30 долларов. См.: Письмо С. Л. Франка к Т. С. Франк от 8 февраля 1926 г. // Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 3.
9. Имеется в виду Русский Научный Институт в Берлине.
10. Иван Александрович Ильин (1883–1954) – русский философ и публицист.
11. История русской церкви (нем.).
12. Основные моменты русской церковной истории (нем.).
13. Основные направления русского православного богословия (нем.).
14. Феноменология революции (нем.).
15. *Карсавин Л.П. Феноменология революции // Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. 5. С. 28–74.*
16. Дочери Карсавина: Ирина (1906–1987), Марианна (1911–1994) и Сусанна (1920–2003).
17. Владимир Николаевич Ильин (1891–1974) – русский философ и богослов, литературный и музыкальный критик, композитор, преподаватель истории средневековой философии в Свято-Сергиевском институте в Париже. Некоторое время участвовал в евразийском движении.

18. Владимир Соломонович Познер (1905–1992) – русский поэт и прозаик, выпускник Парижского университета. Занимался журналистской, публицистической и сценографической деятельностью. Переводил русских писателей на французский язык.
19. Адрес хозяйки квартиры С.Л. Франка в Берлине: Berlin-Schöneberg, Grunewaldstr 70II, bei Frau Jendrich. В этой же квартире до отъезда в Кламар жили Карсавины.
20. Два последних предложения дописаны на полях.
21. Георгий Петрович Федотов (1886–1951) – русский философ, историк и публицист. Профессор Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, а затем Свято-Владимирской православной семинарии, редактор журнала «Новый град». В апреле 1918 г. он «послал заявление на конкурс своему давнему знакомому С.Л. Франку, который был в это время деканом историко-филологического факультета в Саратовском университете», но его кандидатура была отклонена в пользу П.М. Бицилли (*Антощенко А.В.* Долгие сборы в Саратов (к биографии Г.П. Федотова) // *Историографический сборник.* 2008. С. 79). Во Франции Федотов был одним из переводчиков работы Франка «Предмет знания» на французский язык. См.: *Оболевич Т.* Семен Франк. Штрихи к портрету философа. С. 116. Имеется в виду первая статья Г.П. Федотова, опубликованная под псевдонимом «Е. Богданов» и озаглавленная «Три столицы» (*Версты.* 1926. № 1. С. 147–163).
22. Федор Тимофеевич Пьянов (1889–1969) – деятель русской эмиграции, один из руководителей Русского студенческого христианского движения, близкий помощник матери Марии (Скобцовой). Во время второй мировой войны был участником Сопротивления. Узник концлагеря в Бухенвальде.
23. Из «Немецкой баллады» Козьмы Пруткова:

Года за годами...
Бароны воюют,
Бароны пируют...
Барон фон Гринвальдус,
Сей доблестный рыцарь,
Все в той же позиции
На камне сидит.
24. Яков Савельевич Клейн (Джейкоб Клейн, англ. Jacob Klein, 1889–1978) – американский философ, родившийся в Российской империи на территории современной Латвии, выпускник Берлинского университета (1922), специалист по Платону и истории математики, профессор Сент-Джонс колледжа в Санта-Фе (Калифорния).
25. Ср.: 1 Кор 7:33.
26. Семье Карсавина удалось переехать в другую квартиру (11bis, rue de St. Cloud (Villa Louis Grossin) с ванной в конце сентября 1926 г. Она упоминается в письме навестившего Карсавиных С.Л. Франка к Т.С. Франк от 23 октября 1926 г. (Архив Дома Русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 23).
27. Ср., напр., «Жития святых Димитрия Ростовского. Месяц сентябрь (21–30)»: «Никон, Никон, раб Мой, иди в пустыню, указанную тебе благочестивым мужем Феодором, и там обретешь себе покой».
28. С. Л. Франк был членом Кантовского общества и по его поручению читал лекции в разных городах Германии.

29. 9–16 сентября 1926 г. П.П. Сувчинский встречался с Н.С. Трубецким и П.Н. Савицким в австрийском Трагвейне (Tragwein) для обсуждения текущих вопросов евразийского движения.
30. Возможно, имеется в виду вторая часть рукописи Карсавина «Das Starzentum in der russischen Kirche», опубликованной в журнале *Zeitwende* (1927. № 5. С. 424–433; 1927. № 6. С. 555–563).
31. *Сеземан В.* Сократ и проблема самосознания // *Евразийский Временник*. 1925. Кн. 4. С. 224–267. Василий Эмильевич Сеземан (1884–1963) – русский и литовский философ-неокантианец марбургской школы, профессор Каунасского и Вильнюсского университетов. Принимал участие в евразийском движении, с 1923 г. жил и работал в Литве и помог перебраться туда Л. П. Карсавину. Был узником ГУЛАГа.
32. *Бицилли П.М.* «Восток» и «Запад» в истории Старого света // *На путях*. Берлин 1922. С. 317–340.
33. *Карташев А.В.* Пути единения // *Россия и латинство*. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1923. С. 141–151.
34. *Карташев А.В.* (предисловие П.Н. Савицкого). Реформа, Реформация и исполнение церкви // *На путях*. Утверждение евразийцев. Берлин: Геликон, 1922. Кн. 2. С. 27–98.
35. *Франк С.Л.* Собственность и социализм // *Евразийский Временник*. 1927. Кн. 5. С. 262–284.
36. Владимир Александрович Ауэрбах (1876–?) – горный инженер, профессор Донского политехнического института в Новочеркасске, общественный деятель, заместитель председателя и управляющий делами совета съезда горно-промышленников Юга России, товарищ министра торговли и промышленности. После революции эмигрировал в Бельгию, был председателем совета Брюссельского Русского союза за Родину. Во Временнике его статья не появилась. Она была опубликована в другом евразийском издании, под псевдонимом и с редакционным примечанием П.Н. Савицкого: *Сарматов О.* В поисках общественного мира // *Евразийская хроника*. 1929. № 9. С. 87–102.
37. Надписано сверху.
38. *Алексеев Н.Н.* Советский федерализм // *Евразийский Временник*. 1927. Кн. 5. С. 240–261
39. Статьи Б.П. Вышеславцева в издании евразийцев не выходили. Имеется в виду его незаконченная статья «Право и справедливость», на 1 странице рукописи которой написано («Евр.») (Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, Boris Petrovich Vysheslavtsev Papers, 1920–1954, Box 8).
40. *Франк С.* Религия и наука. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925; *Франк С.* Основы марксизма. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1926.
41. Николай Николаевич Алексеев (1879–1964) – русский философ права и правовед, ставший во второй половине 1926 г. и по приглашению Л. П. Карсавина и П. П. Сувчинского участником евразийского движения.
42. *Алексеев Н.Н.* На путях к будущей России (Советский строй и его политические возможности). Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927.
43. Имеется в виду брошюра: *Евразийство (Опыт систематического изложения)*. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1926. Она была опубликована в декабре 1926 г. без указания автора.

44. Должно быть: 7/1 28.
45. Должно быть: «за присланные с Пьяновыми вещи».
46. Надписано на 1 странице сверху: «Л. Пл. будет в Берлине, вероятно, числа 15–16 и остановится у Фридлиндеров».
47. Софья Алексеевна Пьянова (1895–1984) – жена Ф. Т. Пьянова.
48. В оригинале: «нрадует». Возможно, Л. Карсавина собиралась написать «нравится», а затем изменила на «радует».
49. Непозволительно говорить (лат).
50. Василий Эмильевич Сеземан.
51. По приглашению П. Б. Струве С. Л. Франк читал двухмесячный курс лекций по социальной философии весной 1930 г. в Русском научном институте в Белграде.
52. Дом моды (фр.). Марианна Львовна Карсавина была художником-модельером.
53. Вероятно, церковно-славянское «ниже» – «и не».
54. Александр Койре (Alexandre Koyré, 1892–1964) – русско-французский философ, видный специалист по истории философии и науки.
55. Александр Владимирович Кожевников (Александр Кожев, Alexandre Kojève, 1902–1968) – русско-французский философ-неогегельянец.
56. Александр Севастьянович Адлер (1903–1945) – русский эмигрант, сторонник евразийства, редактор газеты «Евразия».
57. Эмилия Эммануиловна Литауэр (1902–1941) – русская эмигрантка, изучала философию в Германии, закончила филологический факультета Сорбонны. Участница евразийского движения. После его распада вступила во французскую компартию. В 1936 г. вернулась в СССР, где была обвинена в шпионаже и расстреляна.
58. Поль Клодель (Paul Claudel, 1895–1955) – французский религиозный поэт, эссеист и драматург.
59. Прошлые времена (итал.).
60. Изидориус Тамошайтис (Izidorius Tamošaitis, 1889–1943) – литовский католический священник, философ, публицист и общественный деятель, автор диссертации, защищенной во Фрибургском университете, по критериологии В.С. Соловьева, профессор Каунасской духовной семинарии и Литовского университета в Каунасе, основатель и председатель Института социальных и политических наук (с 1933 г.).
61. Марианна Карсавина вышла замуж за П. П. Сувчинского в 1933 г.
62. «И. Л. Карсавина проходила курс продолжительный лечения от открывшейся “нервно-психической болезни” у известного французского психиатра Адриана Бореля (Adrien Bogel) в клинике Св. Анны в Париже». Шаронов В. «Корсов – Корсавин – Карсавин...». С. 8.
63. Europos kultūros istorija. T. I. Romėnų Imperija: krikščionybė ir Barbarai. Kaunas: Spindulio spaustuvė, 1931; T. II. Bažnyčia, imperija ir feodalizmas. Kaunas: Spindulio spaustuvė, 1938; T. III. Kova dėl dievo karalystės ir tautinės valstybės. Kaunas: Spindulio spaustuvė, 1934; T. IV. Viduramžių kultūrai bekybant ir iškilus. Kaunas: Spindulio spaustuvė, 1934; T. V. Vidurinių ir Naujųjų amžių sąvartoj. Part. 1. Kaunas: Spindulio spaustuvė, 1936; Part. 2. Kaunas: Spindulio spaustuvė, 1937. Шестой том считается потерянным.
64. Все факты (лат.).
65. Карсавин Л.П. Поэма о смерти. Kaunas, 1932.

66. Безволие (греч.).
67. Алексей Семенович Франк (1910–1969) – второй сын С. Л. Франка.
68. Ответ Т.С. Франк от 1934 г. (без даты) на это письмо хранится в Рукописном Отделе Пушкинского Дома: Татьяна Сергеевна благодарила Карсавина за то, что он предложил устроить лекцию в пользу С. Л. Франка. См.: *Франк Т.С. Письма к Карсавину Льву Платоновичу* // Рукописный отдел Пушкинского Дома. Р I. Оп. 12. № 713.
69. Лидия Николаевна Карсавина (урожд. Кузнецова, 1882–1961) окончила Высшие Бестужевские Курсы и была профессиональным педагогом. В Клараме она организовала домашнюю школу для детей русских эмигрантов.
70. Текст выступления вдовы С. Л. Франка Татьяны Сергеевны Франк на радио, подготовленный, скорее всего, по просьбе сына философа Виктора Франка, заведовавшего Русской секцией радиовещательной корпорации «Би-Би-Си», а с 1962 г. работавшего на радиостанции «Освобождение», переименованной в радио «Свобода». Этот текст отражает знания о Карсавине на Западе к началу 1960-х гг. и содержит неточности. Всюду сохранена авторская орфография.
71. «Петербургские ночи» (дописано на полях).
72. *Карсавин Л.П.* О началах (Опыт христианской метафизики). Гл. 1, § 6.
73. Надписано над текстом.
74. *Карсавин Л.П.* О началах. Гл. 2, § 19.
75. Ср.: Там же. Гл. 2, § 22: «Основа нашего бытия, нашей жизнедеятельности и нашего знания дана в вере, как всецелом причастии к Истине. Только верою можно окончательно обосновать знание... Когда наука (философия) пытается обойтись без веры и найти свои основания, она обнаруживает в глубине своей религиозную веру».
76. «Немец-заключенный» – Эрих Франц Зоммер (Erich Franz Sommer, 1912–1997) – немецкий дипломат и мемуарист. Ниже приведенные цитаты взяты из его статьи: *Sommer E. F. Vom Leben und Sterben eines russischen Metaphysikers. Ein verspäteter Nachruf auf Leo Karsavin († 12.7.1952)* // *Orientalia Christiana Periodica* 24 (1958). S. 129–141. Русский перевод: *Зоммер Э.Ф.* О жизни и смерти русского метафизика. Запоздалый некролог Льва Карсавина († 12.7.1952) // *Лев Платонович Карсавин / Под ред. С. С. Хоружего и Ю. Б. Мелих.* М.: РОССПЭН, 2012. С. 455–466.
77. Имеется в виду заключенный врач-литовец Владас Шимкунас (1917–1979), заботившийся о Л. П. Карсавине и благодаря которому удалось обнаружить могилу последнего.
78. Сведения о пребывании в лагере Л. П. Карсавина Т. С. Франк получила от дочери философа Марианны. См. письма М. Л. Сувчинской к Т. С. Франк от 12 апреля 1956 г., 22 июня 1956 г. и 24 июня 1958 г. (Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers, Box 8: Mariana Suvchinskaja).
79. Вместо зачеркнутого «уверенности».
80. Зачеркнуто слово «путь».
81. Написано внизу текста и в левом поле.